

ЗВЕЗДЫ МИРОВОГО ДЕТЕКТИВА

ДЖЕФФ ЛИНДСЕЙ

A portrait of actor Jeff Lindsay against a dark red background. He is wearing a light blue button-down shirt and has his hands raised in front of him, palms facing forward. The lighting is dramatic, highlighting his face and hands.

ДЕКСТЕР
ВО ТЬМЕ

МИРОВОЙ БЕСТСЕЛЛЕР,
НА ОСНОВЕ КОТОРОГО СНЯТ ЗНАМЕНИТЫЙ ТЕЛЕСЕРИАЛ!

Джефф Линдсей
Декстер во тьме
Серия «Декстер», книга 3
Серия «Звезды мирового детектива»

текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68401687
Декстер во тьме: Амтикус; СПб; 2022
ISBN 978-5-389-20909-1

Аннотация

Декстер Морган – волк в овечьей шкуре. Он красив, обаятелен и очень прагматичен. При всем при том он серийный убийца, впрочем придерживающийся золотого правила убивать только плохих людей. Но неожиданно все меняется. Декстера вызывают на место преступления в кампус Университета Майами. Что-то в двойном убийстве кажется ужасно неправильным и пугающим. Темный Пассажир, вдохновитель убийственного мастерства Декстера, тут же скрывается. Чтобы найти своего Пассажира, Декстер должен исследовать вопросы, которые никогда не осмеливался задать: кто такой Темный Пассажир и откуда он? Это не что иное, как поиски собственной темной души Декстера...

По роману «Дремлющий демон Декстера» в 2006 году был снят знаменитый сериал «Декстер», ставший суперуспешным и продлившийся 10 сезонов. Главную роль в нем исполнил

Майкл С. Холл, позднее получивший за свое исполнение премию «Золотой глобус».

Содержание

В начале	6
Глава 1	12
Глава 2	21
Глава 3	30
Глава 4	41
Глава 5	54
Глава 6	70
Глава 7	87
Глава 8	96
Глава 9	105
Конец ознакомительного фрагмента.	114

Джефф Линдсей Декстер во тьме

© В. Ф. Мисюченко, перевод, 2022

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Агтикус“», 2022

Издательство АЗБУКА®

* * *

Посвящается, как всегда, Хилари

В начале

В памяти ОНО сохранилось удивление и ощущение падения, но только и всего. Потом ОНО просто ожидало.

Времени на ожидание ушло очень много, но ОНО ждало легко, так как никакой памяти не было и верещать еще было некому. Вот ОНО и не понимало, что ожидает. Тогда ОНО вообще ничего не понимало. ОНО существовало без всякой возможности отмерять время, без всякой возможности хотя бы иметь понятие о времени.

И ОНО ожидало и наблюдало. Поначалу особо и смотреть было не на что: огонь, скалы, вода, – но постепенно закопошились какие-то мелкие твари, которые стали меняться и немного погодя обратились в тварей побольше. Делать они мало что делали, знай себе ели друг друга да размножались. Сравнивать, однако, было не с чем, а пока и этого хватало.

Время шло. ОНО наблюдало, как большие и мелкие твари бесцельно убивали и поедали друг друга. Наблюдать за этим, вообще-то, не было никакой радости, но больше заняться было нечем, а тварей разных становилось все больше. Только ОНО, похоже, не было способно ни на что иное, как наблюдать. И вот ОНО стало задаваться вопросом: «А зачем я смотрю на это?»

Никакого сущего смысла во всем происходившем ОНО не

видело, но поделаться ничего не могло, а потому продолжало наблюдать. Мысль эту ОНО прокручивало очень долго, только ни к каким выводам не пришло. Не было по-прежнему никакой возможности эту мысль обдумать: целостное понятие смысла и цели тогда, считай, еще не совсем приспело. Никого кругом, кроме ОНО и их.

Их поднабралось полно и становилось все больше: деловито убивали, поедали и совокуплялись. Только ОНО всего одно было и ничего такого не делало, вот и стало ОНО задаваться еще и вопросом: а почему это так? Почему ОНО другое? Почему ОНО так не похоже на все остальное? Что есть ОНО, и если ОНО на самом деле чем-то было, то не должно ли ОНО тоже что-то делать?

Прошло еще время. Бессчетные копошащиеся, меняющиеся твари понемногу становились больше и все ловчее убивали себе подобных. Поначалу было интересно, но только из-за неуловимых отличий. Они ковыляли, прыгали, ползком извивались, чтобы убить одного другого, были и такие, что по воздуху летали за поживой. Очень интересно, только что с того?

От всего этого ОНО стало чувствовать себя неловко. В чем был смысл? Не суждено ли, чтобы и ОНО было частью того, за чем наблюдало?

ОНО набралось решимости отыскать причину, зачем ОНО тут, какой бы та ни была. Теперь уже, изучая тварей крупных и мелких, ОНО выявляло, чем именно ОНО отлича-

лось от них. Всем другим необходимо было есть и пить, иначе они погибали. И даже если они ели-пили, то в конце концов все равно умирали. ОНО не умирало. ОНО просто существовало. Не было у НЕГО нужды ни есть, ни пить. Постепенно, однако, пришло к ОНО осознание, что ЕМУ нужно что-то... но что? Чувствовало ОНО: сидит где-то потребность, и эта потребность росла, только ОНО не могло выразить, в чем она. Так просто, ощущение, что чего-то не хватает.

Парадом проходили века чешуек и яйцекладок, однако ответов никаких не нашлось. Убивай и ешь, убивай и ешь. В чем тут смысл? Зачем ОНО должно наблюдать за всем этим, если само не в силах ничего с этим поделать? От такой галиматьи ОНО даже стала легкая горечь одолевать.

Потом вдруг однажды явилась совсем новая мысль: «А откуда Я взялось?»

ОНО давным-давно сообразило: яйца, из которых другие вылупляются, они от совокупления. ОНО, однако, не из яйца вышло. Вовсе ничто не совокуплялось, дабы даровать ОНО существование. Когда ОНО впервые осознало себя, и совокупляться-то было нечему. ОНО явилось сюда первым и, судя по всему, навсегда, если не считать смутного и тревожного воспоминания о падении. Зато все остальное вылуплялось либо рождалось. А ОНО нет. И от этой мысли стена между ОНО и ими, похоже, взметнулась намного выше, на неимоверную высоту вытянулась, отделяя ОНО от них пол-

ностью и навечно. ОНО было одиноко, совершенно одиноко навсегда, и от этого делалось больно. ОНО хотело стать частью чего-нибудь. ОНО было одно-единственное. Разве не должно ОНО иметь возможность совокупляться и производить еще таких же?

И стало это, похоже, куда важнее, нежели мысль: «ЕЩЕ ОНО». Все остальные производили еще и еще. ОНО тоже хотело произвести еще.

Наблюдения за взбалмошной, буйной жизнью безмозглых тварей приносили страдание. Огорчение росло, обращалось в гнев, а гнев оборачивался яростью к глупым, ненужным тварям и их бесконечному, глупому, оскорбительному существованию. Ярость росла и травила душу, пока не настал день, когда терпеть дольше ОНО не могло. Не дав себе времени подумать, что делает, ОНО взмыло и набросилось на одну из ящериц, желая так или иначе сокрушить ее. И произошло нечто чудесное.

ОНО оказалось внутри ящерицы.

Видело и чувствовало то, что видела и чувствовала ящерица. О ярости ОНО надолго и думать забыло.

Ящерица, по-видимому, и не заметила, что у нее пассажир появился. Занималась своим делом: убивала да совокуплялась, – а ОНО каталось. Было очень интересно пребывать на борту, когда ящерица убивала какую-нибудь мелкую тварь. Для эксперимента ОНО переместилось в одну из мелких. Пребывать в той, кто убивала, было гораздо забав-

нее, однако этого не хватало, чтобы навести на какие-либо настоящие содержательные мысли. Пребывать в той, ко-го загубили, было очень интересно, это навело на кое-какие мысли, вот только не очень радостные.

Какое-то время эти новации в бытии ОНО радовали. Пусть прочувствовать простенькие эмоции тварей ОНО было не по силам, они и сами, однако, никогда не выбивались за рамки путаницы. Твари по-прежнему не замечали ОНО, понятия не имели никакого... ну, попросту не было у них никаких понятий.

Похоже, не способны они были иметь хоть какое-то понятие. До того были ограничены... и все же они были живыми. У них была жизнь, но они того не ведали, не знали, что с ней делать. Это не вязалось со справедливостью. И вскоре ОНО вновь заскучало, опять стало все больше и больше раздражаться.

И наконец пришло время, когда стали попадаться твари-обезьяны. Поначалу они, казалось бы, не очень-то нравились. Маленькие, трусливые и крикливые. Впрочем, на одно крохотное отличие ОНО в конце концов обратило внимание: у тварей имелись руки, что позволяло им вытворять удивительные штуки. ОНО видело, как сами твари осознали, что стали рукастыми, как принялись пускать руки в ход. Пользовались они ими для громадного разнообразия новшеств: мастурбировали, увечили один другого, отбирали еду у соплеменников, что поменьше.

ОНО было в восторге и наблюдало пристальнее. ОНО смотрело, как они били один другого, а потом убежали и прятались. ОНО смотрело, как они воровали друг у друга, но только когда никто не видел. ОНО смотрело, как они вытворяли друг с другом ужасные вещи, а потом делали вид, будто ничего и не было. И пока ОНО наблюдало, произошло нечто чудесное: ОНО рассмеялось.

А когда ОНО рассмеялось, родилась мысль, обретая в ауре ликования все большую четкость. ОНО подумало: если так, то и мне дело найдется.

Глава 1

Да разве это луна? Где та яркая луна, сияющая острой, режущей радостью? Нет ее. О, эта манит, скулит и блестит, дешевка, канавное подобие той, какой ей следовало быть, и нет в ней никакой остроты. Нет у этой луны ветра в парусах, чтобы нести хищников сквозь сладость ночного неба к восторгу резать и кромсать. Вон она, эта луна: перемигивается застенчиво сквозь безупречно чистое окно с женщиной, присевшей на краешек дивана и бодро-весело щебечущей про цветы, канапе и Париж.

Париж?

Ну да, далеко растекающимся густым, как сироп, голосом с луноликой серьезностью женщина щебечет о Париже. Все талдычит про Париж. Опять.

Так что же это за луна! С ее-то едва не бездыханной улыбкой да ухмылкой из кружев по краям? Позвякивает слабенько в окно, но никак не может проникнуть внутрь сквозь сплошное до одури приторное щебетанье. И какому же Темному Рыцарю было бы по силам высидеть там, в другом углу комнаты, где сидит сейчас Декстер Ошеломленный, притворяется, что слушает, а сам исподлобья луну разглядывает?

Эта луна, должно быть, свадебным медом мазана: разворачивает свое брачное знамя в гостиной и в ночи, призывает всех собраться вокруг него, дает сигнал – в атаку, еще один

– в церковь, дорогие друзья, потому что Декстер Убийственные Ямочки сочетается браком. Сцеплен с вагоном блаженства, что тянет за собой прелестная Рита, которую, как выяснилось, всю жизнь одолевала страсть увидеть Париж.

Женат, медовый месяц в Париже... Неужели этим словам и в самом деле место в одном предложении с любым другим намеком на нашего Призрака-Потрошителя?

Вправду ли видим мы вдруг протрезвевшего и глупо улыбающегося головореза у алтаря в действующей церкви, в галстук и фраке а-ля Фред Астер, надевающего кольцо на затынутый в белое пальчик под сморкание и лучезарные улыбки всей собравшейся паствы? А потом и Демона Декстера в мадрасских шортах до колен, глазеющего на Эйфелеву башню и смакующего *café au lait*¹ возле Триумфальной арки? Держащегося за руки и до головокружения раскатывающего по Сене, тупо пляшущегося на всякую безвкусную безделушку в Лувре?

Конечно, полагаю, лучше бы мне было устроить паломничество на улицу Морг, это святилище для серийных головорезов.

Однако давайте на миг станем капельку серьезнее: Декстер в Париже? Вопрос тем, кто на старте: «Американцам все еще позволяют ездить во Францию?» И тем, кто финиширует: «Декстер в Париже? На *медовый месяц*?» Как может Декстер, человек полночного толка, даже подумать о такой

¹ Кофе с молоком (фр.). – Здесь и далее примеч. ред.

обыденщине? Как может человек, считающий, что секс так же интересен, как и бухгалтерский учет, вступить в брак? Короче, как перед лицом всего, что есть нечестивого, темного и убийственного, может Декстер и впрямь собираться проделать такое?

Вопросы замечательные и очень здравые. И если честно, не так-то легко на них ответить даже самому себе. Однако вот он я: выношу китайскую пытку водой, выслушивая щебетания ожидающей чудес Риты, и гадаю, как Декстеру удастся вытерпеть такое.

Ладно. Декстер такое вытерпит, потому что должен сохранить и даже подновить необходимую для него мимикрию, которая не позволяет миру увидеть его таким, какой он есть на самом деле. В противном случае кто согласился бы сесть с ним за один стол в сумерках, в особенности когда еще и столовое серебро имеется. Вполне естественно, нужно хорошо и упорно поработать, чтобы убедиться: не до всех еще дошло, что Декстером правит его Темный Пассажир, шелковый голос, шепчущий с затененного заднего сиденья. Однако время от времени он забирается на переднее сиденье, чтобы сесть за руль и отвезти нас в Парк Немыслимого. Нельзя давать овцам понять, что Декстер – это волк среди них.

Так что взялись мы, Пассажир и я, за работу, весьма тяжелый труд при нашей-то маскировке. За последние несколько лет нам удалось создать Декстера Ухажера. По замыслу, он представляет миру бодрое, а превыше всего нормальное ли-

цо. В этом чарующем проекте Рита значится как Подруга, и это с многих точек зрения идеальное решение, учитывая, что секс Рите так же неинтересен, как и мне, зато в качестве сопровождения ей нужен Понимающий Джентльмен. А Декстер понимает по-настоящему. Не людей, романтику, любовь и всякое такое бла-бла-бла. Нет. Декстер понимает, что есть смертельно скалящаяся итоговая черта, он знает, как отыскать в Майами из множества кандидатов наиболее достойного на эти последние темные выборы в скромный Зал Славы Декстера.

Тут абсолютной гарантии, что Декстер – прелестный попутчик, нет. Прелесть дается годами практики и является искусственным продуктом упорного и мастерского труда в лаборатории. Но бедная Рита – ей крепко досталось в ужасно несчастливом и буйном первом браке, – похоже, так и не в силах отличить маргарин от сливочного масла.

Прекрасно. Два года Декстер с Ритой не жились и блистали в майамском обществе, были повсюду замечаемы и всеми обожаемы. Потом, однако, после целой серии событий, способных настроить просвещенного наблюдателя на скептическую волну, Декстер с Ритой как-то нечаянно оказались помолвлены. И чем больше я раздумываю, как самому выпутаться из такой смехотворной ситуации, тем больше сознаю: то был логичный следующий шаг в доработке моей маскировки. Женатый Декстер-некто-Декстер с двумя готовенькими детками! Уж он точно ничуть не похож на того Декстера,

которым является на самом деле. Квантовый скачок вперед сквозь пространство-время на новый уровень человеческой мимикрии.

И потом, есть еще и двое детей.

Может показаться странным, что человеку, чья единственная страсть – человеческая расчлененка, могли и вправду нравиться дети Риты, но ему они нравятся. Мне нравятся. Заметьте, слезы никак не увлажняют мои глаза при мысли о выпавшем зубике, потому как для этого необходима способность ощущать эмоции, а я вполне счастлив и без любой такой переменной. В целом же, однако, дети мне куда более интересны, нежели их родители, а особенно меня раздражают те, кто чинят им вред. Сказать по правде, изредка я таких выслеживаю. А когда нападаю на след этих хищников, когда полностью уверен, что они на самом деле натворили то, что давно творят, я все делаю, чтобы они напрочь утратили способность творить такое, – притом очень радостной рукой, без оглядки на совесть.

Итак, тот факт, что у Риты после плачевного первого брака имелось двое детей, отнюдь не был отталкивающим, особенно после того, как стало ясно: детям нужен особый отеческий подход Декстера, чтобы держать в прочной узде собственных Темных Пассажиров, надежно пристегнуть их к безопасному, уютному заднему сиденью и не отстегивать до той поры, пока сами не научатся машину водить. Ведь если поразмыслить, то как раз эмоциональный и даже физи-

ческий ущерб, причиненный Коди с Астор их насквозь пропитанным наркотиками биологическим отцом, и толкнул их на Темную Сторону, как и меня. А теперь они должны были стать моими детьми как по закону, так и по духу. Этого почти хватало, чтобы во мне возникло ощущение: в жизни, в конце концов, есть некая влекущая цель.

Так что у Декстера появилось несколько отличных поводов вынести это... но Париж? Я не понимаю, откуда пошла мода представлять Париж чем-то романтическим. Помимо французов, кто-нибудь, кроме Лоуренса Уэлка, когда-нибудь считал, что аккордеон – это сексуально? И разве не ясно стало теперь, что мы им там не нравимся? И что они ничего лучше не придумали, как упрямо говорить по-французски?

Видно, Рите мозги промыло какое-то старое кино, что-нибудь с задорной оторвой-блондинкой и тихим красавцем-брюнетом, где под модерновую музыку они гоняются друг за другом вокруг Эйфелевой башни и смеются над старомодной неприязнью неопрятного, курящего «Голуаз» мужика в берете. Или, может, послушала она разок песни Жака Бреля и решила, что те созвучны ее душе. Кто знает? Так или иначе, но в капкане мозга Риты накрепко засело представление: Париж есть столица изысканной романтики, – и нечего было даже пробовать извлечь его оттуда без серьезной хирургической операции.

Итак, после бесконечных споров по поводу, что лучше: цыпленок или рыба, а также вино заказать или бокал у бара

выпить, – настал черед одержимо бредовых монологов про Париж. Наверняка мы можем целую неделю себе позволить, тогда хватило бы времени осмотреть сад Тюильри и Лувр, а еще увидеть что-нибудь из Мольера в «Комеди Франсез». Я принужден аплодировать глубине ее постижений. Что до меня самого, то мой интерес к Парижу давно улетучился, как только мне стало известно, что он во Франции.

Нам повезло: от необходимости изыскать корректный способ поведать Рите обо всем этом меня спасло неувловимое явление Коди с Астор. Они не вломились в комнату с мечущими огонь ружьями наперевес, что свойственно большинству детишек от семи до десяти лет. Как я уже говорил, их дорогой биологический папочка нанес им нечто вроде ущерба, одно из последствий которого состоит в том, что их приход-уход никоим образом заметить нельзя: они являлись в помещение методом диффузии. Еще миг назад их нигде не видно, а через мгновение они уже тихонько стоят рядом в ожидании, когда их заметят.

– Мы играть хотим, банку попинать, – заявила Астор.

Представителем этой пары была она, Коди же за целый день ни разу четырех слов кряду не выдавал. Он не был глуп, совсем нет. Просто предпочитал большую часть времени не болтать. В данный момент он просто глянул на меня и кивнул.

– О! – вырвалось у Риты, образовав паузу в ее соображениях о земле Руссо, Кандида и Джерри Льюиса. – Что ж, то-

гда, может, вам...

– Мы хотим банку попинать с *Декстером*, – сообщила Астор, и Коди весьма энергично кивнул.

Рита нахмурилась:

– Полагаю, об этом следовало бы поговорить раньше, но не кажется ли тебе, что Коди с Астор... не следовало бы им, я имею в виду, начать называть тебя как-то иначе... ну... я не знаю... Но просто Декстер? Это смахивает на некое...

– А что, если мон папир? – предложил я. – Или мсье граф?

– А что, если такое не по мне? – пробурчала Астор.

– Просто, по-моему... – начала Рита.

– Декстер вполне годится, – встрял я. – Они к этому при-
выкли.

– Как-то не кажется уважительным, – возразила Рита.

Я опустил взгляд на Астор и попросил:

– Покажи своей маме, как у тебя получается уважительно произносить «Декстер».

Та закатила глаза и протянула:

– Пж-ааааалста.

– Видишь? – с улыбкой обратился я к Рите. – Ей десять лет. Она *что хочешь* не в силах выговорить уважительно.

– Ну да, и все же... – гнула свое Рита.

– С этим все о'кей. С ними все о'кей, – сказал я. – А вот Париж...

– Айда на улицу, – произнес Коди, и я удивленно глянул на него.

Целых шесть слогов. Для него это было практически речью.

– Хорошо, – вздохнула Рита. – Если ты и в самом деле думаешь...

– Я почти никогда не думаю, – заметил я. – Это мешает умственному процессу.

– Тут смысла нет никакого, – сказала Астор.

– А тут смысл и ненадобен. Это правда, – парировал я.

Коди покачал головой. «Пни жестянку», – буркнул он. И вместо того, чтобы подивиться на прорезавшийся у него зуб разговорчивости, я просто пошел вслед за мальчиком во двор.

Глава 2

Конечно, даже с раскруткой великолепных планов Риты жизнь вовсе не была сплошь праздником и сладостями не баловала. Была и настоящая работа. А поскольку Декстер ничто, если не добросовестный исполнитель, то делать ее приходилось мне. Две минувшие недели я провел, балуя себя несколькими последними мазками, которые наносил на новый холст. Молодой джентльмен, наделявший меня вдохновением, унаследовал громадную кучу денег и откровенно пускал их на ужасные, убийственные эскапады, пробудившие и во мне желание быть богатым. Его звали Александер Маколей, хотя сам он называл себя Зандер, что, на мой взгляд, отдавало душком дорогой частной школы, хотя в том, вероятно, и был смысл. Парень был стопроцентный англичанин, хипарь трастов и фондов, во всяком случае, это существо никогда не утруждало себя настоящей работой, зато полностью отдавалось легким забавам того толка, которые заставили бы мое пустое сердце слегка зайтись, если бы Зандер выказал чуточку больше вкуса в выборе своих жертв.

Деньги в семейство Маколей пришли от несметных овецких стад, бесконечных цитрусовых рощ и свалки фосфатов в озеро Окичоби. Зандер частенько наезжал в бедные районы города, чтобы излить свою щедрость на городских бомжей. А тех немногих любимчиков, кого он и впрямь решил

поддержать, как сообщалось в прессе, он привозил на семейное ранчо и давал им работу. Это я узнал из газетной статейки, заходившейся от слез умиления и восхищения.

Декстер, конечно же, всегда готов аплодировать духу благодетельности. Однако, вообще-то, я к Зандеру так сильно привязался, потому что почти всегда этот дух, как предупреждающий знак, извещает: под маской Матери Терезы творится нечто гнусное, злобное и игривое. Не то чтобы я сомневался, будто где-то в глубинах человеческого сердца и впрямь живет некий дух добра и заботливости, замешанный на любви к ближнему своему. Конечно живет. То есть я хочу сказать, что должен он где-то там быть. Просто я никогда не видел его. А поскольку во мне нет ни человечности, ни подлинного сердца, я вынужден опираться на жизненный опыт, а тот убеждает меня: милосердие начинается дома и почти всегда там же и заканчивается.

Итак, когда я вижу молодое, богатое, смазливое и во всем ином нормально выглядящее человеческое существо, щедро разбрасывающее свои средства по мерзости запустения на земле, то мне стоит труда принять альтруизм за чистую монету, в какие бы красивые наряды тот ни рядился. Если разобраться, мне вполне прилично удастся представлять картинку прелести и невинности самого себя, а мы же знаем, насколько она точна, ведь так?

Последовательный взгляд на мир меня удовлетворил: Зандер ничем не отличался, просто был намного богаче. А уна-

следованные деньги сделали его малость неряшливым. Потому как, исходя из скрупулезной налоговой отчетности, которую я раздобыл, семейное ранчо не было заселено и бездействовало, что ясно указывало: куда бы он ни вывозил милых его сердцу грязнуль, там не было здоровой и радостной жизни, наполненной сельским трудом.

А еще лучше для моих целей было то обстоятельство, что, куда бы ни отправлялись бомжи со своим новым другом Зандером, они топали босыми. Поскольку в особой комнате его чудесного дома в Корал-Гейблсе под охраной весьма хитрых и дорогих замков, над которыми мне пришлось попотеть почти целых пять минут, Зандер хранил кое-какие сувениры. Дурацкий риск для монстра. Я об этом знаю от и до, так как сам занимаюсь тем же. Когда, однако, какой-нибудь трудолюбивый следователь наткнется на маленькую шкатулку памятных мне вещиц, то не отыщет в ней ничего, кроме стеклянных пластинок с капелькой запекшейся крови на каждой. И никак нельзя будет доказать, что любая из них таит в себе что-то зловещее.

Зандер был не так уж и умен. Он хранил по обувке с каждой своей жертвы и рассчитывал, что гора денег и запоры на двери надежно сберегут его тайны.

Неудивительно, что у монстров такая дурная репутация. Слишком наивно было на словах... и обувка? Серьезно, всего нечестивого ради, обувь? Я стараюсь относиться терпимо и с пониманием к причудам других, но это было слегка че-

рез край. Что могло привлекать в провонявшей потом, обляпанной застывшей слизью кроссовке? Да еще взять и вот так выставить их в открытую. Такое едва ли не оскорбляло.

Конечно, Зандер, наверное, считал: если его когда-нибудь поймают, он сможет рассчитывать на то, что купит лучшую в мире правовую защиту, которая наверняка позволит ему выкрутиться, получив всего лишь общественные работы. Малость забавно, но именно так все и шло поначалу. В одном он, однако, просчитался: поймают его не полиция, а Декстер. И правосудие над ним будет вершиться в суде по делам нарушений правил дорожного движения Темного Пассажира, где адвокатов нет, хотя я и надеюсь, разумеется, вскоре отловить одного, а приговор всегда окончательный и обжалованию не подлежит.

Была ли, однако, кроссовка и вправду достаточным доказательством? У меня сомнений в вине Зандера не было. Даже если бы Темный Пассажир не распевал арий все время, пока обувь рассматривал, я очень хорошо понимал, что означает эта коллекция: предоставленный самому себе, Зандер будет пополнять ее. Вполне уверенный, что он плохой человек, я очень сильно хотел подискутировать с ним при лунном свете и поднести ему весьма отточенные доводы. Но я обязан быть в полной уверенности, таков Кодекс Гарри.

Я всегда следовал продуманным правилам, заложенным Гарри, моим приемным отцом-копом, который учил меня, как быть тем, кто я есть, сочетая скромность и точность. Он

показал мне, как покидать место преступления чисто, как может только коп, он научил меня тщательно выбирать партнера для танца. Будь у меня хотя бы тень сомнения, я бы не смог пригласить Зандера поиграть.

А сейчас? На основании выставки обуви ни один суд в мире не признал бы Зандера виновным хоть в чем-то, помимо антисанитарного фетишизма, но и ни в одном суде мира не было бы и экспертного свидетельства Темного Пассажира, этого мягкого, настырного внутреннего голоса, требовавшего действия и никогда не ошибавшегося. И с его шипением, все больше забивавшим мне ухо, трудно было оставаться спокойным и беспристрастным. Пригласить Зандера на Последний Танец я желал так же, как сделать следующий вдох.

Я желал, я был уверен... только я знал, что сказал бы на это Гарри. Он учил меня: чтобы быть уверенным, хорошо бы тела увидеть, а Зандеру удалось все их упрятать вполне здорово и не позволить мне отыскать их. А без тела, сколько ни желай, дело правым не станет.

Я вернулся к поискам, ломая голову над тем, куда он мог бы упрятать рядок маринованных трупов. Его дом отпадал без вопросов. Я побывал в нем и намека не получил ни на что иное, кроме как музея обуви, а у Темного Пассажира обычно отличный нюх на коллекции мертвяков. Кроме того, в доме их некуда деть: во Флориде подвалов нет, да и район там такой, что не смог бы Зандер незамеченным ни в саду копаться, ни тела таскать. И краткая консультация с Пасса-

жиром убедила меня: тот, кто крепит свои сувениры на панели орехового дерева, несомненно, опрятно избавляется от останков.

Ранчо давало отличную возможность, однако быстрая поездка на старое место не выявила никаких следов. Ясно было, что место заброшено, даже подъездная дорожка заросла высокой травой.

Я копнул глубже. Зандер владел апартаментами в Майами, но слишком уж то было далеко. Имелось у него немного акров в Северной Каролине. Шанс есть, но мысль о двенадцати часах езды на машине с телом в багажнике делала этот шанс маловероятным. Ему принадлежали акции в компании, которая пыталась обустроить Торо-Ки, небольшой островок к югу от мыса Флорида. О площадке, где велись работы, однако, не могло быть и речи: там могли шататься, глаза вокруг, многочисленные зеваки. В любом случае я помнил, как еще молодым пытался высадиться на Торо-Ки, а на нем вооруженные охранники ходили дозором, гнали людей прочь. Схрон должен быть где-то еще.

Среди многочисленных его портфолио и активов всего одна вещичка имела хоть какой-то смысл – яхта Зандера, сорокапятифутовая «Сигарета». По опыту работы с предыдущим монстром я знал, что яхта дает прекрасные возможности для избавления от останков. Просто прикручиваешь проволокой тело к грузу, перебрасываешь через борт и машешь прощай. Опрятно, чисто, прилично, никакой неразберихи, никаких

улик.

А для меня еще и никакого шанса получить доказательств. Свою яхту Зандер держал в яхт-клубе «Роял-Бей», элитарнейшей частной гавани в Коконат-Гроув. Охрана там надежная, слишком надежная, чтобы позволить Декстеру пробраться туда, пользуясь отмычкой и улыбкой. Как-никак, а то была полносервисная гавань для неизлечимо богатых, местечко из тех, где тебе швартовы очистят и отполируют, только приткнись своим судном к причалу. Тебе не надо даже заботиться о заправке: звонок заранее – и все будет сделано, вплоть до шампанского в рубке. И днем и ночью территория кишела радостно улыбочивыми вооруженными охранниками, снимавшими шляпы перед Состоянием и палившими в каждого, кто взбирался на ограду.

Яхта была недоступна. Я был уверен на все сто, что Зандер использовал ее, чтобы отделаться от тел. Того же мнения был и Темный Пассажир, что еще весомее. Увы, способа подобраться к судну не было.

Раздражало, даже расстраивало, видеть – пусть и умозрительно – Зандера с его последней добычей, наверное опрятно упакованной в позолоченный ящик для льда, как он бодро заранее звонит в клуб диспетчеру и заказывает заправку топливом, а потом беспечно вышагивает по причалу, пока два кряхтящих мебельных грузчика затаскивают ящик на борт и почтительно машут руками на прощание. Увы, мне к судну не подобраться и ничего не доказать. А без окончательного

доказательства Кодекс Гарри не позволял мне идти дальше. Сам-то я был уверен, только что это мне давало? Я мог бы попытаться схватить Зандера с поличным в следующий раз. Только никак нельзя было в точности угадать, когда этот раз случится, следить же за ним постоянно я не мог. Мне как-никак приходилось время от времени являться на работу, изображать символическое присутствие дома, совершать все действия для поддержания с виду нормальной жизни. А между тем где-то на следующей неделе Зандер, придерживаясь шаблона, позвонит диспетчеру клуба, даст заказ на подготовку своей яхты и...

И диспетчер, как исполнительный служака при клубе богачей, сделает памятку, что в точности он проделал на судне и когда: сколько горючего в баки залил, какой марки шампанское, сколько моющего средства потратил на ветровое стекло. И все это он занесет в файл с надписью «Маколей» и сохранит в своем компьютере.

И мы вдруг опять вернулись в мир Декстера, где Пассажир шипел и подгонял меня к клавиатуре.

Декстер скромняга, даже самоед в чем-то, он, конечно, представлял себе пределы своего немалого таланта. Однако, если и был предел того, что я умел обнаруживать на компьютере, то я его еще не нашел. Я уселся и взялся за работу.

Менее получаса ушло на то, чтобы влезть в компьютерную сеть клуба и найти записи. Будьте уверены, служебный гроссбух велся тщательно. Я сверил его с заседаниями прав-

ления излюбленной благотворительной организации Зандера, Всемирной миссии Божественного света, располагавшейся на окраине Либерти-Сити. 14 февраля правление имело удовольствие сообщить, что Уинтон Аллен будет исторгнут из логова беззакония, то бишь Майами, и переправлен на ранчо Зандера для перевоспитания честным трудом. А 15 февраля Зандер предпринял прогулку на яхте, на которую ушло тридцать пять галлонов топлива.

11 марта подобное же счастье было даровано Тайрону Миксу. И 12 марта Зандер совершил прогулку на яхте.

Так оно и шло: всякий раз, когда подбирался для радостей сельской жизни бомж-счастливчик, Зандер делал заказ на обслуживание своей яхты с готовностью в течение двадцати четырех часов.

Это было не то же, что тела увидеть, однако Кодекс Гарри был создан для проведения оперативных действий на изъянах системы, в теневых областях совершенного правосудия, а не совершенного права. Я был уверен, Пассажир был уверен, а это вполне достаточное доказательство, чтобы оно всех нас удовлетворило.

Зандеру предстоял иного рода круиз в лунном свете, и всем его деньгам не удастся удержать Зандера на плаву.

Глава 3

Итак, в ночь, похожую на множество других, когда луна осеняла аккордами лишаящей покоя мелодии своих счастливых, жаждущих крови детей, я, подпевая в такт, собирался выйти порезвиться. Вся работа была сделана, теперь для Декстера настало время игр. Считанные мгновения требовались, чтобы собрать мои простые игрушки и выйти за дверь на свидание с проказником от благотворительного фонда. Однако надвигалась женитьба, а значит, ничто больше не было простым. Я, признаюсь, уже стал подумывать, а будет ли опять хоть что-то просто.

Конечно, я возводил идеальный и почти непроницаемый фасад из сверкающей стерильной стали и стекла, чтобы вцементировать его в готику ужаса на фронтоне Замка Декстера. Словом, весьма желал посодействовать отставке Старого Декстера, а потому пребывал в процессе, как выразилась Рита, «единения наших жизней». В данном случае это означало переезд из моего уютного уголка на окраине Коконат-Гроува дальше на юг, в Ритин дом с тремя спальнями, раз уж проделать такое было «разумно». Ну а помимо разумности, это было еще и чудовищным неудобством, то есть неудобством для Монстра. При новом порядке вещей у меня не имелось никакой возможности спрятать что-либо, даже отдаленно личное. А мне это было необходимо. У всякого убежденного,

ответственного людоеда имеются свои тайны, и среди моих вещей были такие, какие я не желал видеть в чьих-либо руках, кроме своих собственных.

Например, мне надо было изучать потенциальных партнеров по играм. А еще у меня имелась дорогая моему сердцу, небольшая деревянная шкатулка, содержащая сорок одно предметное стекло с капелькой крови в центре. Каждая капелька представляла собой одну-единственную не совсем человеческую жизнь, которую пресекла моя рука. А все вместе они составляли полный альбом моей внутренней жизни. Ведь я, сыграв партию, не оставляю вокруг груды разлагающейся плоти. Я не какой-нибудь неряшливый, небрежный, безумно кромсающий изверг. Я исключительно опрятный безумно кромсающий изверг. Я, признаться, всегда весьма заботливо избавляюсь от своих объедков, и даже любой жестокий, непримиримый враг, вознамерившийся разоблачить во мне подлого людоеда, какой я и есть, сильно затруднился бы определить, чем на самом деле являются мои стеклышки.

Опять же: станешь объяснять, вопросы могут возникнуть, и в итоге это выйдет боком даже для заботливой жены... и того больше для любого злобного заклятого врага, вся страсть которого – меня уничтожить. Был один такой тип в Майами – сержант полиции по фамилии Доакс. И хотя формально он все еще числится в живых, я уже стал думать о нем в прошедшем времени, поскольку недавние злоключения стоили ему обеих ног, рук и языка в придачу. Он, конеч-

но, не в той форме, чтобы предать меня вполне заслуженному правосудию. Однако я прекрасно понимаю: если есть один такой тип, то рано или поздно появится и другой.

Так что уединение – дело важное, хотя я и не устраивал показухи из того, что касалось моих личных дел. Насколько мне известно, пока никто не заглядывал в мою шкатулочку со стеклышками. Только не было раньше ни невесты, которая наводила бы у меня порядок, ни двух весьма пытливых детей, роющихся в моих пожитках, чтобы научиться куда больше походить на Темного Папочку Декстера.

Рита вроде бы с пониманием отнеслась к моей потребности в клочке личного пространства, хотя и не видела в этом необходимости. Она пожертвовала свою комнатку для шитья, переименовав ее в кабинет Декстера. Постепенно туда предстояло перебраться моему компьютеру, кое-каким книгам с компакт-дисками и, я полагаю, моей шкатулочке из розового дерева с предметными стеклышками. Только как их оставить там без присмотра? Особенно шкатулку. Коди с Астор я мог бы объяснить все довольно легко... А вот что Рите сказать? Может, стоит шкатулку спрятать? Устроить за ложной книжной полкой тайник, ведущий по винтовой лесенке прямо в мою темную берлогу? Или поместить ее на дно поддельной коробки с кремом для бритья? Закавыка, похоже, вышла.

До сих пор я не расставался со своей квартирой и тем уходил от необходимости найти решение. Тем не менее в ка-

бинете я держал кое-какие простенькие вещицы: острейшие ножи-филейники, изоленту, – и готов был объяснить их наличие своей любовью к рыбалке и кондиционерам. Решение могло и подождать. Прямо сейчас я чувствовал, как ледяные пальцы тычутся и щекочут мне хребет, и у меня была острая нужда встретиться с неким испорченным молодым человеком.

Так что я отправился к себе в кабинет, поискал хранившуюся для особо торжественных случаев темно-синюю спортивную сумку, куда и укладывались нож с изолентой. Вытащил сумку из шкафа, чувствуя на языке резкий привкус предвкушения, и положил в нее свои праздничные игрушки: новый рулон изоленты, филейный нож, перчатки, шелковую маску и моток нейлоновой веревки на всякий случай. Все готово. Я ощущал в жилах зарево стального возбуждения, в голове гремела дикая музыка, сердце Темного Пассажира бешено колотилось. Я повернулся, чтобы идти...

И наткнулся на спяющую пару важно застывших детей, выжидательно уставившихся на меня.

– Он хочет пойти, – произнесла Астор, и Коди кивнул, не сводя с меня больших немигающих глаз.

Искренне верю, что знающие меня не врут, когда говорят, что я боек на язык и за словом в карман не полезу, но я мысленно прокрутил сказанное Астор и попытался отыскать способ придать ее словам иное значение, а потом сумел выдать из себя весьма членораздельное:

– Он хо ку по?

– С тобой, – терпеливо пояснила Астор, словно разговаривала с умственно отсталой горничной. – Коди хочет вечером пойти с тобой.

Задним числом легко понять, что эта проблема рано или поздно дала бы о себе знать. И чтобы быть полностью справедливым к себе, а это, по-моему, весьма важно, я ожидал чего-то подобного, но попозже. Не теперь. Не на кромке моей Ночи Нужды. Не в момент, когда у меня на затылке каждый волосок стоял торчком от незамутненного и насущного побуждения скользнуть в ночь, не сдерживая холодной, будто из нержавеющей стали, ярости...

Положение явно требовало серьезно пораскинуть умом, но все нервы во мне понуждали: прыгай в окно и беги в ночь... Не знаю как, но я сделал глубокий вдох и внимательно глянул на них обоих.

Резкая и блестящая жестянка души Декстера Мстителя была выкована на такой жестокой травме детства, что я полностью отгородился от нее. Стал тем, кто я есть, и, уверен, я бы носом хлюпал да горевал из-за этого, если бы вообще хоть что-то был способен чувствовать. А этих двоих, Коди с Астор, точно так же вгонял в страх, бил и терзал жестокий наркоман-отец, пока они, как и я когда-то, навсегда не были отлучены от солнечного света и леденцов на палочке. Как убедился, воспитывая меня, мой мудрый приемный отец, отлучить от такого нельзя: нельзя засадить змею обратно в яйцо.

Можно, однако, обучить. Гарри обучил меня, слепил из меня нечто, охотившееся только на других темных хищников, других монстров и упырей, затянутых в человеческую кожу и бродящих по городу тропами игрищ. Во мне неизменно и извечно сидел неодолимый позыв убивать, но Гарри научил меня находить и избавляться только от тех, кто, по его жестким полицейским меркам, того заслуживал.

Когда я выяснил, что мы с Коди одного поля ягоды, то дал себе слово, что продолжу дело Гарри, передам мальчику познанное мной, воспитаю его в духе Темной Правоты. Впрочем, была в том целая галактика сложностей, разъяснений и учений. У Гарри почти десять лет ушло на то, чтобы напичкать меня всем этим, прежде чем он позволил мне вести игрища с чем-либо посложнее бродячих животных. Я же с Коди еще даже не начинал... И пусть это вызывало во мне потуги казаться мастером-джедаем, начать сейчас с ним я никак не мог. Понимал, что когда-нибудь и Коди должен будет свыкнуться с бытием по моему подобию, и искренне хотел ему помочь, но только не сегодня вечером. Не сейчас, когда луна за окном манит так игриво, тащит меня, ровно нежный желтый товарняк, сцепленный с моим мозгом.

– А я и не... – начал я, собираясь все отрицать, но они глянули на меня с таким умильным выражением холодной уверенности, что я осекся и не сразу, но выговорил: – Нет. Он слишком мал.

Дети обменялись быстрым взглядом, но в нем уместился

целый разговор.

– Я ему говорила, что ты так скажешь, – произнесла Астор.

– Ты была права.

– Но, Декстер, – упрямылась девочка, – ты обещал показать нам эту фигню.

– Непременно, – отчеканил я, чувствуя, как тени пальчиков медленно перебирают мне позвонки, подталкивают, попукают выйти за дверь. – Только не сейчас.

– А когда? – требовательно спросила Астор.

Я посмотрел на эту парочку и ощутил странное сочетание дикого нетерпения оказаться подальше и кромсать с позывом завернуть их обоих в мягкое одеяло и истребить любого, кто к ним приблизится. Еще, довольствуясь полумерами, лишь бы эту смесь закруглить, хотелось шмякнуть друг о дружку их глупые маленькие головы.

Неужели это и есть отцовство?

Все мое тело покалывал холодный огонь желания убежать, начать, взяться за мощь запретного, однако вместо этого я очень глубоко вдохнул и, надев безучастное лицо, сказал:

– Завтра вам в школу, и вам уже почти пора ложиться спать.

Дети глянули на меня так, словно я их предал. Полагаю, так оно и было: я сменил правила и играл в Папочку Декстера, когда они считали, что разговаривают с Декстером Демоном. Все же то была почти правда. Ведь нельзя же брать ма-

леньких детей на ночное потрошение и ждать, что назавтра они свою азбуку не позабудут. Мне вот довольно трудно являться на работу наутро после моих мелких приключений, а на моей стороне преимущество: я могу пить кубинский кофе сколько захочется. А кроме того, дети еще и вправду слишком малы.

– Слушай, ты ведешь себя просто как какой-то взрослый, – съязвила Астор с блеклой усмешкой десятилетнего ребенка.

– Так я и есть взрослый, – парировал я. – И стараюсь быть подходящим для вас.

Пусть я сказал это, до боли стиснув зубы в борьбе с растущей нуждой, зато был искренен, что ничуть не смягчило одинаковое выражение холодного презрения в обоих направленных на меня взглядах.

– Мы думали, ты другой, – произнесла девочка.

– Представить не могу, как бы это я мог быть еще больше другим и все равно выглядеть как человек.

– Нечестно, – произнес Коди, и, встретившись с ним глазами, я разглядел, как крошечный темный зверек поднял мордочку и рыкнул на меня.

– Согласен, нечестно. В жизни нет ничего честного. «Честно» – нехорошее слово, и я буду признателен, если ты не станешь употреблять его, когда я рядом.

Коди посмотрел на меня в упор, взгляд, какого я у него прежде не замечал, излучал горечь несбывшихся расчетов,

и я не понимал, мне хочется то ли прихлопнуть его, то ли дать ему печенью.

– Нечестно, – повторил Коди.

– Слушай, – обратился я к нему, – я в этом кое-что понимаю. И это – первый урок. Нормальные дети вовремя ложатся спать, когда на завтра в школу надо.

– Ненормально, – буркнул мальчик, так далеко выпятив нижнюю губу, что на ней все его учебники поместились бы.

– В самую точку, – похвалил я его. – И именно поэтому ты всегда вынужден *выглядеть* нормальным, *вести себя* нормально, убеждать всех остальных, что ты и *впрямь* нормальный. И еще одно: ты должен делать в точности то, что я тебе говорю, или я не стану делать этого вовсе. – По виду не сказать, чтобы Коди был вполне убежден, но сопротивление ослабевало. – Коди, тебе придется довериться мне и придется поступать по-моему.

– *Придется*, – сказал он.

– Да, – кивнул я. – Придется.

Он вперил в меня долгий взгляд, потом перенес его на сестру, а та глянула на него в ответ. То было чудо безголового общения. Смею утверждать, они вели долгий и весьма непростой разговор, однако ни звука не произнесли, пока Астор не пожала плечами и вновь не обратилась ко мне:

– Ты должен пообещать.

– Хорошо, – кивнул я. – Пообещать – что?

– Что ты станешь нас учить, – ответила Астор, и Коди кив-

нул. – Скоро.

Я глубоко вдохнул. По правде говоря, у меня и прежде никогда не было шанса попасть на весьма, на мой взгляд, гипотетические небеса. Однако пройти через такое, согласиться обратиться этих неряшливых маленьких монстров в опрятных, хорошо обученных маленьких монстров... знаете, я, конечно, надеюсь, что был прав по гипотетической части.

– Обещаю, – произнес я.

Дети переглянулись, посмотрели на меня и ушли.

А я остался с сумкой, полной игрушек, неотложной встречей и с несколько скукожившимся чувством срочности.

Неужели семейная жизнь такова у всех? Если так, то как же все в ней выживают? Почему у одних больше одного ребенка, а у других вообще нет? Взять меня: стояла передо мной важная и достижимая цель, как вдруг нашло затмение, с каким ни единой футбольной мамаше не столкнуться, и уже почти невозможно вспомнить, о чем я думал всего секунду-другую назад. Даже при нетерпеливом рычании Темного Пассажира, до странности сдавленном, если не сказать слегка озадаченном, мне понадобилось некоторое время, чтобы взять себя в руки и от Ошеломленного Папочки Декстера вновь вернуться к Холодному Мстителю. Выяснилось, что мне трудно вернуться на льдистую грань готовности и опасности, признаюсь, трудно было и вспомнить, куда я подевал ключи от машины.

Так или иначе, я их нашел и, спотыкаясь, вышел из каби-

нета, а потом, пробормотав Рите какие-то берущие за душу
пустые слова, вышел из дому и наконец-то оказался в ночи.

Глава 4

Я вполне достаточно следил за Зандером, чтобы знать его распорядок. Поскольку был вечер четверга, мне было точно известно, где он будет. По четвергам он каждый вечер проводил в Фонде Всемирной миссии Божественного света, предположительно инспектируя скот. После примерно девяноста минут улыбок присутствующим и прослушивания коротенькой службы ему предстояло выписать чек пастору, громадине-негру, некогда игравшему в НФЛ. Пастору предстояло улыбнуться и поблагодарить его, а Зандеру – тихонько выскользнуть через черный ход к своему скромному внедорожнику и чинно отправиться домой, так и излучая сияние добродетельного чувства, какое приходит только после воистину благого труда.

Сегодня вечером, однако, он не поедет в одиночестве.

Нынешним вечером Декстер с Темным Пассажиром составят ему компанию и отправят его в новое путешествие.

Впрочем, прежде всего надо совершить спокойный и осторожный подход, который являлся результатом скрытных наблюдений в течение многих недель.

Припарковав машину в нескольких милях от дома Риты на площадке большого старого торгового центра «Дейдленд», я пошагал к ближайшей станции метро. Поезда редко бывали переполнены даже в час пик, зато вокруг хватало

народу, чтобы никто не обращал на меня внимания. Просто приятный мужчина в модной темной одежде со спортивной сумкой.

Я вышел на следующей после центра станции и пешком прошел шесть кварталов до миссии, ощущая, как во мне сама собой заостряется грань, вновь доводя меня до нужной готовности. О Коди с Астор мы подумаем позже. А сейчас, на этой улице, я воплотился в одно потаенное сияние. Слепящий оранжево-розовый свет уличных фонарей, специально предназначенных для борьбы с преступностью, не в силах был смыть тьму, в которую я плотно кутался на ходу.

Миссия располагалась на углу средне оживленной улицы в переоборудованном помещении на первом этаже. Перед ней собралась небольшая толпа, что, в общем-то, не удивляло. Здесь раздавали продукты и одежду, а чтобы получить их, всего-то и требовалось потратить немного своего пропитанного ромом времени, выслушивая разъяснения доброго пастыря, почему вы катитесь в ад. Сделка, что и говорить, вполне приличная (даже для меня), но я не был голоден. Я прошел мимо и направился на парковку.

Хотя там было чуть темнее, но все же достаточно светло, так светло, что и луны видно не было, однако я все время чувствовал ее в небе, с улыбкой взирающую оттуда на нашу корчашуюся хрупкую жизнь, украшением которой служили монстры, жившие лишь затем, чтобы заглатывать эту жизнь в большие, наполненные болью глотки. Монстры вроде меня

и вроде Зандера. Сегодня ночью, увы, одним станет меньше.

Я обошел парковку по периметру. Вроде бы все безопасно. Ни души не видно, никто не сидит и не дремлет в машинах. В единственном выходявшем наружу маленьком окне, расположенном высоко на задней стене миссии, матовое стекло: туалет. Кругами я подобрался поближе к машине Зандера (голубой «додж-дуранго»), приткнувшейся передом к черному ходу, и тронул дверную ручку: заперто. Рядом был припаркован старенький «крайслер» пастора. Я перебрался за дальнюю сторону «крайслера» и стал ждать.

Из спортивной сумки я достал белую шелковую маску и натянул ее на лицо, удобно подправив прорези для глаз. Потом взял петлю из пятидесятифунтовой рыболовной лески – и был готов. Теперь уже совсем скоро начнется он, Темный Танец. Зандер войдет, не ведая ничего, в ночь хищника, ночь острых неожиданностей, в окончательную и дикую тьму, пронизанную яростным свершением. Уже очень скоро он в темпе вальса, легко и неспешно, покинет свою жизнь и войдет в мою. И тогда...

Помнит ли Коди, что надо зубы чистить? Он тут забыл недавно, так Рите не хотелось его из постельки вытаскивать, раз он уже лег. Было важно, однако, сразу наставить мальчика на путь полезных привычек, а чистить зубы – дело важное.

Я тряхнул петлей, устраивая ее у себя на коленях. Завтра в школе у Астор день фотографирования. Ей лучше надеть пасхальное платье с прошлого года, чтобы выглядеть хоро-

шенькой на снимке. Приготовила ли она его, чтобы не забыть утром? Конечно, улыбку ради фото она не выдавит, так, по крайней мере, будет в приличное платье одета.

Неужели и вправду я таился тут в ночи, на корточках, с петлей в руке, в ожидании броска, и пробавлялся такими мыслями? Как оно вышло, что эти мысли вторглись в мое ожидание, потеснив из него острое, как клык, желание спустить Темного Пассажира на достойного партнера? Это что, привкус новой блестящей женатой жизни Декстера?

Я осторожно вдыхал воздух, ощущая великую симпатию к такому ненавистнику женщин, детей и собак, как У. К. Филдс. Я тоже не смог бы работать с детьми. Закрыв глаза, я чувствовал, как заполняет легкие темный ночной воздух, и выпускал его обратно, чувствуя, как возвращается холодная готовность. Потихоньку Декстер отступал, и Темный Пассажир вновь оказался за рулем.

И как раз вовремя.

Задняя дверь с грохотом распахнулась, и мы с Темным Пассажиром услышали жуткое бляение нечеловеческих голосов – кошмарное исполнение «Just a Closer Walk with Thee». Одного этого вполне хватало, чтобы любого потянуло к бутылке. И более чем хватило, чтобы поторопить Зандера к выходу. В дверях он задержался, обернулся, послал собравшимся ободряющий взмах руки и ухмылку, а потом дверь захлопнулась, и Зандер обошел машину, приблизился к дверце со стороны водителя – и оказался в наших руках.

Зандер повозился с ключами, щелкнул открывшийся замок, а мы уже обошли машину и были у него за спиной. Он и понять не успел, что происходит, как в воздухе раздался свист петли и та обвила ему шею, мы дернули так, чтобы сбить его с ног и поставить на колени. Зандеру стало нечем дышать, его лицо все больше темнело... и видеть это было приятно.

– Ни звука, – велели мы холодно и веско. – Делай, в точности как мы говорим, ни единого слова, ни звука, и проживешь немного дольше, – сказали, слегка подтянув петлю, дабы убедить его, что он в наших руках и должен поступать так, как мы велели.

Реакция Зандера была в высшей степени отрадной и легко читалась на его лице, с которого уже начисто смыло ухмылку. Слюна текла из уголка его рта, а пальцы вцепились в петлю, только мы держали ее куда как крепко, чтобы можно было просунуть палец под леску. Он уже едва сознание не терял, и мы чуть-чуть ослабили хватку, позволив Зандеру сделать болезненный глоток воздуха.

– Теперь вставай, – вежливо попросили мы, потянув петлю вверх, чтобы он выполнил то, что ему велено.

Медленно, цепляясь за бок машины, Зандер послушно поднялся.

– Отлично! – похвалили мы. – Садись в машину.

Мы переложили петлю в мою левую руку, открыли дверцу, затем дотянулись до дверной стойки, вновь переложили

петлю в мою правую руку и забрались на заднее сиденье.

– Поехали, – отдали мы приказ темным ледяным голосом.

– Куда? – хриплым шепотом спросил Зандер, так как нам пришлось напомнить о петле.

Мы опять подтянули леску потуже, чтобы объяснить: не надо говорить без разрешения. Убедившись, что он воспринял намек, вновь ослабили петлю.

– На запад, – велели мы. – Больше никаких разговоров. Поехали.

Зандер включил передачу, а я несколькими рывками петли вывел его на запад и дальше на скоростное шоссе Дельфин. Какое-то время Зандер проделывал все, в точности как мы велели. Время от времени он поглядывал на нас в зеркало заднего вида, но самое слабенькое дерганье петли делало его исключительно послушным, пока мы не направили его к шоссе Палметто – и на север.

– Слушайте, – вдруг произнес он, когда мы ехали мимо аэропорта, – я типа реально богатый. Могу дать вам все, чего пожелаете.

– Да, можешь, – сказали мы, – и отдашь.

А он и не понимал, что у нас на уме, вот и отлегло у него малость.

– О'кей, – произнес голосом, все еще хрипящим от петли, – так сколько вы хотите?

Мы уставились на него в зеркало заднего вида и медленно, очень медленно, так, чтобы стал постигать, затянули лес-

ку на его шею. Когда он едва дохнуть мог, подержали секунду-другую и заявили:

– Все. Мы заберем все. – Немного ослабили петлю и бросили: – Поехали.

Зандер вел машину. Остаток пути он сидел очень тихо, вот только, похоже, не был так напуган, как полагалось бы. Должно быть, он не верил, что это происходит с ним, никак не могло такое случиться, только не с ним, ведь он жил в непробиваемом коконе из денег. У всего есть цена, и он всегда мог себе ее позволить. Скоро он сторгуется. А потом вообще откупится.

А ведь так тому и быть. В конечном счете он откупится. Только не деньгами. И никак не выбравшись из петли.

Поездка была не слишком долгой, и мы молчали до самого заранее выбранного съезда на Хайалиа. Когда Зандер при тормозил на съезде, то глянул на меня в зеркало заднего вида, и в его взгляде был страх, нарастающий ужас попавшего в капкан монстра, готового лапу себе отгрызть, лишь бы вырваться, и осязаемый укус его паники зажег теплое свечение в Темном Пассажира, и мы сделались весьма довольными и сильными.

– Вы же не... туда, там же нет... куда мы едем? – сбивчиво забормотал Зандер, слабый и жалкий, с каждым разом все больше говоривший по-человечески.

Это нас рассердило, мы потянули слишком сильно, и его голова разом свесилась на плечо, так что пришлось даровать

ему кое-какую слабинку в петле. Зандер вывернул обратно на дорогу вниз съезда.

– Вправо поверни, – велели мы.

И он повернул. Неприятно было видеть, как хрипло хватал он воздух слюнявыми губами и так же хрипло выпускал его. Однако проделывал все, как мы ему велели. Проехав по улице, он свернул к небольшому темному ряду старых складов.

Он остановил машину, где ему было велено, около покрытой ржавчиной двери темного неиспользуемого строения. На прогнившей вывеске со сломанным концом все еще значилось: «ДЖОН ПЛАСТИ».

– Паркуйся! – велели мы.

Пока он возился с рычагом переключения передач, мы вылезли из машины, рванули его за собой на землю, натянув потуже и наблюдая, как он дергается, а затем рывком подняли его на ноги. Вокруг рта у него запеклась слюна, а в глазах появились признаки того, что он начинает понимать свое положение. Он стоял, мерзкий и отвратительный, в дивном свете луны и весь дрожал, не понимая, почему я отказываюсь от его денег, и считая это жуткой ошибкой, а еще до него стало доходить, что он, наверное, ничем не отличается от тех, с кем сам поступил точно так же. И он сник. Мы позволили ему немного постоять и подышать, а потом подтолкнули к двери. Он вытянул руку и оперся ладонью о бетонную стену.

– Послушайте, – начал он, и теперь в его голосе слышалась

чисто человеческая дрожь. – Я вам тонну денег достану. Все, чего захотите. – Мы ничего не ответили; Зандер облизнул губы и произнес голосом, ставшим сухим, прерывистым и отчаянным: – Ну так что вам от меня нужно?

– Исключительно то же, что ты у других забирал, – ответили мы, крепко затянув петлю. – Кроме обуви.

Зандер вытаращился, рот у него обвис, раскрывшись, и он обмочился прямо в штаны.

– Это не я, – выговорил он. – Это не...

– Ты, ты сделал, – сообщили мы. – Как раз это.

Сильно натянув леску, мы втоптали его через дверь в старательно подготовленное помещение. Там по сторонам валялись рваные куски пластиковой трубы и, что было существеннее для Зандера, стояли две пятидесятигаллонные бочки с соляной кислотой, брошенные «Джон Пласти», когда фирма вышла из бизнеса.

Нам не составило труда доставить Зандера на расчищенное для него рабочее место, и очень скоро он был обмотан изоляцией и привязан к месту, а мы горели от нетерпения начать. Перерезали петлю, и Зандер затаил дыхание, когда нож чиркнул ему по горлу.

– Господи! – выдохнул он. – Слушайте, вы совершаете большую ошибку.

Мы промолчали, поскольку надо было заниматься делом, и мы готовились к нему, потихоньку срезая с Зандера одежду и осторожно бросая ее в одну из бочек с кислотой.

– Черт! – выпалил он. – Все не так, как вы думаете... Вы не понимаете, что творите.

Мы были готовы и даже нож ему к носу поднесли, чтобы уразумел: мы очень хорошо понимаем, что творим, и что вот-вот это и сотворим.

– Чел, я прошу! – хрипел он.

Страх превозмогал в нем все, что ему мыслилось возможным, заставив забыть о том унижении, которое он испытал, помочившись в штаны. Ничего подобного он и представить себе не мог даже в самых страшных кошмарах.

А потом Зандер вдруг поразительно затих. Глядя мне прямо в глаза, он с совершенно неуместной ясностью и голосом, какого я от него прежде не слышал, произнес:

– Он вас найдет.

На миг мы застыли, соображая, что это значит, и пришли к выводу: он блефует, надеется нас остановить. И это бессмысленное действие притупляло восхитительный вкус его ужаса, что рассердило нас, и мы, прежде чем взяться за дело, залепили ему рот изолентой.

А когда мы закончили, то от него не осталось ничего, кроме одной туфли. Мы подумывали выставить ее, только это не вязалось с нашим представлением об опрятности, вот и полетела туфля в бочку с кислотой вслед за останками Зандера.

«Нехорошо это, – подумал Наблюдатель. – Уж слишком долго они находятся в заброшенном складе. Тут и сомнений

нет, что их занятия не имеют отношения к светскому мероприятию».

Как и встреча, которую он запланировал с Зандером. Их встречи всегда были строго деловыми, хотя очевидно, что Зандер расценивал их по-иному. Благоговение на лице во время их редких пересечений лучше тысячи слов говорило, что этот юный остолоп думал и чувствовал. Как же гордился он своим мелким вложением, как истово рвался быть возле холодной огромной силы!

Наблюдателя не волновала судьба Зандера: заменить его было легко. По-настоящему беспокоило, почему это происходило нынешним вечером и что это могло означать.

И сейчас он был доволен, что не вмешался, а просто сел на хвост. Наблюдатель мог бы вмешаться и без труда стереть в порошок дерзкого молодого человека, захватившего Зандера. Даже сейчас он чувствовал, как играет в нем немислимая сила, способная, взревев, смести все, что окажется на ее пути... но – нет.

Помимо силы, Наблюдатель обладал и терпением, которое тоже признак могущества. Если тот, другой, и вправду являл угрозу, то лучше выждать и понаблюдать, а когда знаний наберется достаточно, он ударит. Стремительно, сокрушительно и окончательно.

Вот он и следил. Несколько часов прошло, прежде чем тот, другой, вышел и сел в машину Зандера. Наблюдатель, держась на приличном расстоянии, поначалу с выключенны-

ми фарами, легко следовал по ночным улицам за голубым «доджем-дуранго». А когда тот, другой, оставил машину на парковке у станции подземки и сел в поезд, Наблюдатель тоже вошел в вагон, когда двери уже закрывались, устроился в дальнем его конце и стал разглядывать лицо человека, отражавшееся в стекле окна.

Поразительно молодой и даже красивый. Налет невинного обаяния. Не из тех лиц, какие ожидаешь встретить в данных обстоятельствах, но они все выглядят не так, как предполагаешь.

Наблюдатель последовал за тем, другим, когда тот вышел у «Дейдленда» и направился к одной из множества припаркованных машин. Время позднее, и на парковке было безлюдно. Наблюдатель знал, что может с легкостью устроить все здесь и сейчас. Надо просто подойти к тому, другому, сзади и позволить всей своей мощи перелиться в руки, а затем обрушить на того, другого, и отправить его в темноту. По мере приближения к незнакомцу Наблюдатель ощущал внутри неспешный, величественный прилив силы, едва ли не вкус великого и молчаливого рева убий...

А потом он вдруг замер и медленно двинулся в соседний ряд припаркованных машин.

Потому что на приборной панели автомобиля того, другого, лежала хорошо заметная карточка.

Полицейское разрешение на парковку.

Наблюдателя весьма порадовало, что он оказался терпе-

ливым. Если тот, другой, связан с полицией... тогда проблема может оказаться намного более серьезной, чем он ожидал. Это плохо. Понадобится тщательно все продумать. И конечно, значительно больше понаблюдать.

Наблюдатель тихо скользнул в ночь, чтобы готовиться и наблюдать.

Глава 5

Кто-то однажды сказал, что нечестивцы отдыха не ведают. Почти наверняка речь шла обо мне, ведь в течение нескольких дней, после того как милый Зандер получил праведное воздаяние, бедняга Декстер Усердный был поистине очень занят. Даже притом что неистовые планы Риты перешли на повышенные обороты, моя работа закрутилась не меньше. Мы, похоже, попали под те самые чары, в какие неизменно время от времени попадает Майами и под действием которых смертоубийство представляется чем-то вроде отличной мысли, а у меня целых три дня кровавые брызги стояли не то что в глазах, а до самого глазного дна.

Впрочем, на четвертый день стало чуточку хуже. По дороге на службу я купил пончики. Я частенько это делаю, особенно после ночных игр. Почему-то в течение нескольких дней после наших с Пассажиром ночных схваток я чувствую себя не только более расслабленным, но и довольно голодным. Уверен, что данный факт имеет глубокую психологическую значимость, но мне куда важнее успеть съесть один-два пончика, прежде чем дикие хищники из отдела криминалистики набросятся на них. Психологическая значимость может обождать, когда на кону пончики.

Увы, нынче утром я едва сумел отхватить один пончик с клубникой... и счастье, что при этом мне палец не оторвали.

Все кругом гудело от подготовки к выезду на место преступления, и по гудению голосов я понял, что преступление было особенно ужасным. Меня такая перспектива не радовала, так как это означало, что времени уйдет больше и что мы застрянем где-нибудь подальше от цивилизации и кубинских сэндвичей. Кто скажет, что я буду есть на ланч?

Если учесть, что меня обделили пончиками, ланч мог сыграть весьма существенную роль в плане приема пищи, а теперь, судя по всему, мне придется заменить его работой.

Подхватив свой набор для анализа брызг крови, я направился к выходу вместе с Винсом Масукой, который, несмотря на малый рост, ухитрился отхватить два весьма драгоценных пончика с начинкой: с баварским кремом и шоколадной крошкой.

– А ты весьма знатно потрудился, Могучий Охотник, – сказал я, кивая на его разбойную добычу.

– Боги леса были добры, – ответил Винс и откусил от пончика. – В этом сезоне мой народ не будет знать голода.

– Твой нет. Зато я еще как буду! – отозвался я.

Он наделил меня жуткой притворной улыбочкой, которую, похоже, разучил, штудирруя правительственное руководство по мимике, и сказал:

– Пути джунглей тяжки, Кузнечик.

– Да, знаю, – кольнул я. – Прежде обязательно нужно выучиться думать, как пончик.

– Ха! – изобразил смешок Винс; смех у него был еще при-

творнее улыбочки и звучал так, будто Винс считывал буквы, изображавшие на письме смех. – Аа-ха-ха-ха!

Похоже, бедолага, как и я, извращал все присущее человеческому существу. Увы, получалось у него не так здорово, как у меня. Неудивительно, что мне было удобно с ним. Добавьте к этому, что Винс частенько вызывался сбегать за пончиками.

– Тебе нужна маскировка получше, – говорил он, кивая на мою зелено-розовую гавайскую рубашу с принтом девушек, танцующих хулу. – Или, по крайней мере, вкус получше.

– Это на распродаже, – сообщил я.

– Ха! – Винс вновь издал смешок. – Смотри, скоро Рита станет выбирать тебе одежду. – А потом, резко отбросив жутко наигранное веселье, произнес: – Слушай, по-моему, я отыскал идеального организатора банкетов.

– Он делает пончики с джемом? – задал я вопрос, искренне надеясь, что тема моего неминуемого бракосочетания целиком провалится в тартарары.

Я, увы, попросил Винса быть моим шафером, и он воспринимал это дело всерьез.

– Малый прямо чума, – сообщил Винс. – Он участвовал в церемонии вручения премий MTV, устраивал вечеринки и тусовки для звезд шоу-бизнеса.

– Звучит восхитительно дорого, – заметил я.

– Ну, мне он обязан, – сказал Винс. – Цену, думаю, мы сбить сумеем. Может, на уровне ста пятидесяти баксов с

прибора.

– Вообще-то, Винс, мы надеемся позволить себе больше одного прибора.

– О нем даже писали в журнале «Саут-Бич», – произнес Винс слегка обиженным тоном. – Тебе следует хотя бы поговорить с ним.

– Если честно, – начал я, и это означало, что я собираюсь врать, – по-моему, Рите хочется чего-нибудь простенького. Типа шведского стола.

Тут Винс окончательно надулся и повторил:

– Ну хотя бы поговори с ним.

– Обсужу это с Ритой, – пообещал я, желая закончить со всеми предсвадебными приготовлениями.

И на всем пути до места преступления Винс о них ни разу не обмолвился, так что, может, и получилось.

На месте все оказалось для меня намного легче, чем ожидалось, и я вполне приободрился. Прежде всего, то был кампус Университета Майами, моей старой доброй альма-матер, и в соответствии со своей пожизненной попыткой казаться человеком я, попадая туда, старался всегда помнить о необходимости изобразить теплые чувства к этому месту. Во-вторых, свежей крови, пригодной для обработки, было очень мало, а это означало, что с делами я управлюсь в разумный срок. И кроме того, намекало на свободу от противной мокрой субстанции. Я, признаться, не люблю крови. Возможно, это покажется странным, но так оно и есть.

Впрочем, огромное удовольствие я находил в том, чтобы организовать место преступления, заставить его соответствовать приличной схеме, быть послушным. В данном случае, судя по тому, что я узнал по пути сюда, едва ли в том могли возникнуть сложности.

Так что я пребывал в своем обычном благостном расположении духа, когда легким шагом двигался к желтой полицейской ленте, окаймлявшей место преступления, и был уверен: наступит блаженный перерыв в суете рабочего дня...

И замер столбом, едва переступив одной ногой ленту.

На миг весь мир сделался ярко-желтым, появилось тошнотворное ощущение шаткой космической невесомости. Не было видно ничего, кроме резкого света. Из тьмы заднего сиденья донесся тихий звук, ощущение подсознательной тошноты мешалось со слепой паникой от ножа мясника, скрежещущего по классной доске. Суетливое метание, нервный зуд, дикая уверенность, будто что-то шло не так, – и никакого намека на то, что или где это было.

Зрение вернулось, и я огляделся. Не увидел ничего неожиданного на месте преступления: небольшая толпа, собравшаяся у желтой ленты, несколько фигур в полицейской форме по периметру, кучка детективов в дешевых костюмах и мои коллеги-криминалисты, прочесывавшие кусты на четвереньках. Все совершенно нормально, если смотреть невооруженным взглядом. Вот я и обратился за ответом к своему непогрешимому, полностью затянутому в броню внутренне-

му оку.

«Что это?» – молча спросил я и, вновь закрыв глаза, стал ждать хоть какого-то ответа от Пассажира на это небывалое проявление дискомфорта. Я привык к замечаниям, исходившим от моего Темного Напарника, и довольно часто мой первичный осмотр места преступления перемежался коварным шепотком одобрения или удивления, но на сей раз... На сей раз прозвучало явное огорчение, и я не знал, как его следует понимать.

«Что?» – снова спросил я. Однако ответа не было, если не считать гнетущего шороха невидимых крыльев, так что, стряхнув это с себя, я пошагал к месту действия.

Два тела явно были сожжены где-то еще, поскольку поблизости не замечалось никакого мангала подходящих размеров для столь тщательной прожарки двух женских особей средней комплекции. Тела были брошены на берегу университетского озера, чуть в стороне от проложенной вокруг водоема дорожки, и их ранним утром обнаружила пара любителей бегать трусцой. На основании наличия малого количества крови для освидетельствования я пришел к выводу, что головы жертвам отрезали уже после сожжения.

Одна мелкая деталь задержала мое внимание. Тела были уложены аккуратно, чуть ли не благоговейно, со скрещенными на груди обгорелыми руками. А на место отсеченных голов аккуратно приставили керамические бычьи головы.

Как раз такого рода нежная заботливость всегда вызыва-

ла замечание Темного Пассажира: то удивленный шепоток, то легкое покашливание, а то и укол зависти. Только на сей раз, когда Декстер сказал самому себе: «Ага, бычья голова! И что мы об этом думаем?» – Пассажир ответил сразу же и напористо...

Никак!

Ни шепотка, ни вздоха!

Я раздраженно требовал ответа, но до меня долетело лишь озабоченное шебуршание, словно Пассажир зарывался в какое-то укрытие и надеялся незамеченным переждать там бурю.

Скорее от испуга, чем от чего-то еще я открыл глаза. Я не мог припомнить ни одного случая, когда Пассажир не мог бы высказаться на нашу любимую тему, и вот теперь он не только усмирен, но и прячется.

Я вновь оглянулся на два обгоревших тела с новым, неожиданно возникшим уважением. Не было у меня никаких зацепок. Что бы это могло значить? Но раз уж раньше такого не случалось, мне представлялось, что выяснить все – намерение благое.

Эйнджел Батиста-не-родственник ползал на четвереньках по дальней стороне дорожки, очень внимательно изучая нечто, чего я не видел, а потому, признаюсь, и в голову не брал.

– Нашел уже? – спросил я.

– Нашел – что? – отозвался Эйнджел, не поднимая головы.

– Понятия не имею, – признался я. – Только оно тут где-то должно быть.

Он пинцетом вырвал одну-единственную травинку, пристально рассмотрел ее, затем сунул в пластиковый пакетик, продолжая говорить:

– Почему кому-то понадобилось приладить керамическую бычью голову?

– Потому что шоколадная растаяла бы, – ответил я.

Эйнджел кивнул, не глядя на меня:

– Твоя сестра считает, что тут не обошлось без сантерии.

– Вот как! – вырвалось у меня.

Мне такая возможность в голову не пришла, и я ощутил легкий укор, что недодумал. В конце концов, это Майами. Здесь мы на каждом шагу сталкиваемся с чем-то, напоминающим религиозный ритуал с привлечением голов животных. О сантерии всем нам следовало бы подумать в первую очередь. Афрокубинская религия, сочетавшая в себе анимизм племени йоруба с католицизмом, сантерия была широко распространена в Майами. Принесение животных в жертву и символизм были обычными для ее приверженцев, что объясняло бычьи головы. И хотя исповедовавших сантерию немного, в большинстве семей города имелись одна-две небольшие освященные свечи или бусы из раковин-каури, купленные в магазине «Ботаника». Господствующим по всему городу было такое мнение: даже если сам в это не веришь, от тебя не убудет выказать уважение.

Как уже сказано выше, я должен был сообразить это сразу. Зато моя сводная сестра, ныне сержант убойного отдела полиции, додумалась до этого первой, хотя в нашей семье из нас двоих умным считался я.

У меня на душе полегчало, когда я узнал, что расследование поручено Деборе, а значит, будет сведена к минимуму набившая оскомину тупость. Кроме того, я надеялся, что это позволит ей лучше проводить время. До этого она дни и ночи пестовала своего искалеченного бойфренда Кайла Чацки, который потерял пару второстепенных конечностей в недавней схватке с душевнобольным свободным художником-хирургом. Этот хирург специализировался на том, что превращал человека в визжащую картофелину, и именно этот злодей весьма искусно избавил сержанта Доакса от многих ненужных органов, однако у него не хватило времени покончить с Кайлом, поскольку Дебс приняла это близко к сердцу и, застрелив душку-доктора, посвятила себя восстановлению мужской силы Чацки.

Уверен, она набрала несчетное количество баллов на этическом табло, кто бы ни вел судейство, но, по правде говоря, ее постоянное отсутствие не приносило пользы полицейскому управлению, а еще хуже то, что бедный одинокий Декстер очень остро чувствовал недостаток внимания со стороны единственного живого родственника.

А потому весть, что дело ведет Дебора, была со всех сторон приятной, да вон она и сама стоит на той стороне дорож-

ки, беседа со своим боссом, капитаном Мэттьюсом: несомненно, снабжает его мелкими боеприпасами для предстоящей войны с журналистами, которые попросту отказывались принимать его благостное изображение произошедшего.

Фургончики прессы уже подтягивались и выплевывали из себя съемочные группы, а те запечатлевали на пленке окружающую местность. Неподалеку пара волкодавов местного эфира, торжественно вцепившись в микрофоны, заунывно вещала о трагедии двух жизней, столь грубо оборванных. Как всегда, мной овладела благоговейная признательность за то, что я живу в свободном обществе, где у прессы есть священное право выносить на экраны вечерних новостей отснятые кадры мертвых людей.

Капитан Мэттьюс мягко пригладил ладонью и без того идеальную прическу, хлопнул Дебору по плечу и отправился толковать с журналистами. А я двинулся к сестре.

Она стояла там, где Мэттьюс ее оставил, вперив взор ему в спину, когда тот вступил в диалог с Риком Сангре, одним из настоящих гуру репортажа, который всегда следовал лозунгу: «Если там льется кровь, новость пойдет первой!»

– Ну, сестренка, с возвращением в реальный мир, – сказал я.

В ответ она кивнула, бросив:

– Гип-гип ура!

– Как себя чувствует Кайл? – поинтересовался я, поскольку воспитание подсказывало, что именно об этом следует

спросить.

– Физически? – уточнила она. – Он в полном порядке. Зато его не покидает чувство *бесполезности*. А вашингтонские засранцы не позволяют ему вернуться к работе.

Мне трудно судить, может ли Чацки вернуться к работе, потому что никто и никогда не говорил, в чем именно состояла его работа. Как я понимал, она имела какое-то отношение к деятельности правительства и была секретной. Это все, что было мне известно.

– Что ж... – промямлил я, подбирая подходящее клише. – Уверен, просто нужно немного подождать.

– Ну да, – отозвалась Дебора и оглянулась на место, где лежали два обгоревших тела. – Как-никак, а это отличный способ отвлечься.

– Мельница слухов доносит, что ты связываешь это с санитарией, – сказал я, и она резко повернула голову ко мне.

– А ты считаешь, что это *не* так? – последовал требовательный вопрос.

– О нет, вполне возможно.

– Но?..

– Никаких «но»! – ответил я.

– Черт побери, Декстер! – завелась она. – Что тебе об этом известно?

Наверное, вопрос был справедливым. Я славился тем, что иногда высказывал весьма точные предположения по кое-каким наиболее ужасным убийствам, которые мы расследо-

вали. Я заработал некоторую репутацию благодаря моему пониманию того, как мыслит и действует извращенный маньяк-убийца, что вполне естественно, ведь я и сам был извращенным маньяком-убийцей, но об этом не знал никто, кроме Деборы.

И хотя о моей истинной природе Деборе стало известно лишь недавно, она не стеснялась прибегать к ней, когда это помогало в работе. Я не возражал: рад помочь. И меня, сказать по правде, не очень-то трогало, если кто-нибудь из моих коллег-монстров оплачивал свои долги обществу на электрическом стуле... если, конечно, приговоренный не оказывался из числа тех, кого я сберегал для собственного невинного удовольствия.

Однако в данном случае мне нечего было сказать Деборе. На самом деле я надеялся, что она поделится со мной крохами информации, хоть чем-то, что могло бы объяснить странное и несообразное поведение съездившегося на заднем сиденье Темного Пассажира. Это, конечно, не входило в категорию сведений, какими я с чистой совестью поделился бы с Деборой. И что бы я ни сказал по поводу двойного огненного жертвоприношения, она бы мне не поверила. Осталась бы уверена, что у меня есть информация и некая точка зрения, но я желаю придержать их для себя. Единственный, кто может быть более подозрительным, чем ближайший родственник, – это ближайший родственник, служащий в полиции.

Она явно была убеждена, что я что-то утаиваю от нее.

– Ладно, Декстер, кончай прикалываться и выкладывай, что ты про это знаешь.

– Сестричка дорогая, я в полной растерянности!

– Полное дерьмо! – отрубилла она, явно не замечая иронии. – Ты что-то держишь за пазухой.

– Никогда в жизни! Стал бы я врать своей единственной сестре?

Она пристально глянула на меня:

– Стало быть, это не сантерия?

– Понятия не имею, – признался я как мог успокаивающе. – Отсюда, похоже, и было бы здорово исходить. Только...

– Я знала! – выпалила она. – Но что?

– Ну... – начал я и остановился, так как это только-только пришло мне в голову и, вероятно, ничего не значило, но потом решил идти дальше. – Ты когда-нибудь слышала, чтобы сантеро использовали керамику? И быков? Для своих целей они предпочитают козлиные головы.

С минуту она в упор смотрела на меня, потом качнула головой:

– Это все? Все, что у тебя есть?

– Я же говорил, Дебс, нет у меня ничего. То была всего лишь мысль, да и та только что в голову забрела.

– Ладно, – буркнула Дебора. – Если ты говоришь правду...

– Конечно правду! – заартачился я.

– Тогда то, что у тебя есть, – это дерьмо, – завершила она и отвернулась, вновь устремив взгляд туда, где капитан

Мэттьюс отвечал на вопросы, торжественно выпятив вперед мужественную челюсть. – Что лишь немногим меньше, чем тот лошадиный навоз, которым располагаю я.

До этого я понятия не имел, что дерьмо менее значимо лошадиного навоза, но всегда приятно узнать нечто новенькое. Но в данном случае даже поразительное откровение очень мало отвечало на насущный вопрос: «Почему Темный Пассажир, словно утка, нырнул в укрытие?» Благодаря работе и хобби мне довелось повидать многое, чего большинство людей даже вообразить не могут, если только не посмотрят подряд несколько фильмов из тех, что демонстрируют в автошколах в наказание за пьяное вождение. И в каждом таком случае, каким бы ужасающим он ни был, мой теневой напарник так или иначе давал сжатую оценку, пусть хотя бы и всего лишь зевком.

А вот теперь, при виде всего-то – тоже мне ужас! – двух обгоревших тел и какой-то любительской керамики, Темный Пассажир предпочел рвануть прочь, словно перепуганный паук, и оставить меня без руководства. Ощущение для меня новое и, как я понял, ничуть не приятное.

И что же мне теперь делать? Я не знал никого, с кем мог бы обсудить проблему так, как с Темным Пассажиром, по крайней мере, если желал остаться на свободе, а я того очень и очень желал. Но что я на самом деле знаю о своем загадочном напарнике? Был ли я и вправду столь сведущ просто по той причине, что так долго делился с ним простран-

ством? То, что он предпочел рвануть в подполье, весьма меня раздражало, как будто я вдруг заметил, что расхаживаю по управлению без штанов. Когда дошло до самой сути, то не было у меня понятия ни что такое Темный Пассажир, ни откуда он взялся. Эти вопросы никогда не казались такими уж насущными.

Скромная толпа собралась у желтой ленты ограждения, установленного полицией. Людей хватало, чтобы Наблюдатель мог затеряться среди них.

Он наблюдал, охваченный жестоким голодом, что никак не проявлялось на его лице. Ничто не проявлялось на его лице. Оно было лишь временной маской, какую он носил, способом скрыть сжатую в пружину силу внутри. И тем не менее окружающие, похоже, как-то улавливали это, время от времени нервно поглядывали на него, будто расслышав поблизости рычание тигра.

Наблюдателю доставляло удовольствие их беспокойство, то, как люди в глупом страхе пялились на сотворенное им. То было частью радости за свою силу и частично объясняло причину, почему ему доставляло удовольствие наблюдать.

Но сейчас он наблюдал – внимательно и осознанно, – с определенной целью, даром что взирал на суету вокруг, как на возню муравьев, чуя в себе позыв и шевеление силы. «Ходячее мясо, – подумал он. – Меньше овец, и мы у них за пастуха».

Злорадствуя над жалкой людской реакцией на представленное им, на грани своих хищнических чувств он ощутил щекотание от присутствия того, другого. И медленно повел головой вдоль желтой ленты...

Есть. Вон тот, в яркой гавайской рубаше. Он и вправду связан с полицией.

Наблюдатель потянулся чутким усиком к тому, другому, и, коснувшись, наблюдал, как тот, другой, застыл на ходу и закрыл глаза, словно молчаливо задавая вопрос. Да. Теперь все обрело смысл. Тот, другой, ощутил неуловимый охват чувств: он был силен, это наверняка.

Что, однако, у него за цель?

Наблюдатель следил, как тот, другой, распрявился, осмотрелся по сторонам, а затем, похоже, отрешился от навяздения и вышел за полицейское ограждение.

«Мы сильнее, – подумал Наблюдатель. – Сильнее их всех. И они убедятся в этом, к величайшей своей печали».

Он чувствовал, как усиливается голод, но необходимо было выждать больше, а потому он подождет до лучшей поры. Подождет и понаблюдает.

Пока.

Глава 6

Место убийства без разбрызганной повсюду крови должно было бы стать для меня легкой праздничной прогулкой, только отчего-то мне никак не удавалось впасть в легкомысленный настрой и порадоваться. Некоторое время я бродил по округе, выходя за огражденную желтой лентой площадку и входя в нее, но мне было там почти нечего делать. Дебора, похоже, уже высказала мне все, что хотела, и я чувствовал себя одиноким и никому не нужным.

Разумное существо вполне можно было бы извинить за то, что оно слегка обиделось, только я никогда не считался разумным существом, а потому у меня оставалось весьма мало вариантов. Наверное, лучшее, что следовало бы сделать, — это вернуться к нормальной жизни и подумать о множестве важных дел, требовавших моего внимания: о детях, организаторе банкетов, Париже, ланче... Если принять во внимание длинный перечень того, о чем мне стоило беспокоиться, нечего удивляться, что Пассажир повел себя малость застенчиво.

Я вновь взглянул на два пережаренных тела. От них не исходило ничего зловещего. Они были мертвы. Темный Пассажир, однако, по-прежнему молчал.

Я поплелся туда, где стояла Дебора и вела разговор с Эйнджелом-не-родственником. Оба выжидающе смотрели

на меня. Увы, я не мог предложить им никакой готовой остроумной версии. По счастью для моей всемирно известной репутации постоянно бодрого стойка, не успел я вовсе духом пасть, как Дебора, глядя куда-то мне за плечо, хмыкнула:

– В самое время, черт тебя подери!

Я проследил за ее взглядом и увидел только что подъехавшую патрульную машину, из которой вылезал мужчина, одетый во все белое.

Прибыл бабалао, официальный служитель культа города Майами.

Наш честный город существует в непреходящем ослепительном сиянии кумовства и коррупции, которым позавидовал бы сам легендарный главарь нью-йоркской банды Босс Твид. Каждый год миллионы долларов выбрасываются на вообразимые консультации, на перерасход средств по проектам, к осуществлению которых и не приступали, потому что ими награждались чьи-то тещи-свекрови, и на иные специальные цели огромной общественной значимости типа новых роскошных лимузинов для лиц, оказывающих политическую поддержку. Так что вовсе не стоит удивляться, что город платит этому шаману-сантеро зарплату и наделяет его льготами.

Удивительно то, что он свои деньги отработывает.

Каждое утро на рассвете бабалао прибывает в здание суда, где обыкновенно находит одно-два небольших животных – жертвоприношения, оставленные людьми, кому грозят весь-

ма существенные судебные разбирательства. Ни один житель Майами, будучи в здравом уме, не прикоснется к жертвам, однако, конечно же, было бы очень дурно оставлять мертвых животных захламлять величественный храм правосудия Майами. Так вот бабалао убирает жертвы, ракушки-каури, перья, бусины, амулеты и картинки, так что это никоим образом не обижает оришей, путеводных духов сантерии.

Еще время от времени его призывают побормотать заклинания по другим важным общественным случаям – типа благословить новый путепровод, построенный контрактором-низкоставочником, или наслать проклятие на приезжих игроков «Нью-Йорк джетс». На сей раз он явно был призван моей сестрой Деборой.

Официальный городской бабалао был негром лет пятидесяти, шести футов росту, с очень длинными ногтями на пальцах и значительным брюшком. Одет он был в белые штаны, белую рубаху-гуаяберу и сандалии. Бабалао медленно, словно нехотя, выбирался из доставившей его патрульной машины с капризным выражением мелкого бюрократа, которого оторвали от заполнения важных папок важными бумагами. Наконец он вылез и стал протирать очки в черной роговой оправе подолом рубахи. Подойдя к телам, он надел очки – и остолбенел от увиденного.

Долго-долго бабалао просто глазел, потом, не отрывая глаз от тел, попятился. Отступив футов на тридцать, он развернулся, подошел к патрульной машине и забрался в нее.

– Какого черта! – воскликнула Дебора, и я согласился с ней, ведь она правильно оценила ситуацию.

Бабалао захлопнул дверцу машины и замер на переднем сиденье, куда-то глядя через ветровое стекло. Чуть погодя Дебора, буркнув:

– Вот дерьмо! – направилась к машине.

А поскольку мне, как и всем пытливым умам, хотелось знать, что происходит, я последовал за ней.

Когда я подошел к машине, Дебора постукивала по стеклу окошка со стороны пассажира, а бабалао все еще глазел прямо перед собой, стиснув зубы, и мрачно притворялся, будто не замечает ее. Дебс застучала посильнее – он покачал головой.

– Откройте дверь! – произнесла она зычным голосом полицейского, требовавшего бросить оружие, но бабалао лишь энергичнее затряс головой; тогда Дебора с махухватила по стеклу, крикнув: – Открывайте!

Наконец он опустил стекло и произнес:

– Это никак меня не касается.

– Что ж это тогда? – поинтересовалась Дебора.

Бабалао лишь головой качнул:

– Мне нужно вернуться на работу.

– Это пало майомбе? – встрял я, и Дебс сверкнула на меня взглядом «мол, не перебивай!», но мне вопрос показался вполне уместным.

Верование пало майомбе было чем-то вроде темного от-

прыска сантерии. Я почти ничего о нем не знал, но ходили слухи о кое-каких ритуалах, пробуждавших во мне острый интерес.

Однако бабалао покачал головой:

– Послушайте, есть всякое в мире, о чем у вас, ребята, понятия нет, да и знать вы о том не желаете.

– Этот случай – из такого?

– А я знаю? – вскинулся он. – Может, и так.

– Что вы можете сообщить нам об этом? – требовательно спросила Дебора.

– Ничего я вам не могу сообщить, потому как сам ничего не знаю. Но мне это не нравится, и я не желаю иметь с этим ничего общего. У меня на сегодня полно всяких важных дел... Велите копу ехать, мне давно пора! – И с этими словами бабалао вновь закрыл окно.

– Вот дерьмо! – выругалась Дебора и осуждающе глянула на меня.

– Ну а я-то тут при чем? – пожал я плечами.

– Дерьмо! – повторила Деб. – Что, черт возьми, это значит?!

– Я полностью во тьме, – признался я.

– Угу, – буркнула Дебс, хотя ее вид говорил, что она совершенно не убеждена, и это малость отдавало иронией.

Я хочу сказать, что люди верят мне всякий раз, когда я, скажем так, не совсем правдив... а вот моя собственная сводная плоть и кровь отказывается верить, что я на самом

деле полностью во тьме. Не говоря даже о том, что бабалао, похоже, реагировал так же, как и Пассажир... И что я должен из этого извлечь?

Прежде чем начать разматывать эту восхитительную ниточку, я понял, что Дебора все еще не сводит с меня глаз, храня на лице крайне неприятное выражение.

– Вы головы нашли? – спросил я, желая помочь. – Может, мы бы весь ритуал прочувствовали, если бы увидели, что он с головами сделал.

– Нет, головы мы не нашли. Ничего я не нашла, разве что братца, который играет со мной в молчанку.

– Дебора, эта постоянная атмосфера гадкой подозрительности и в самом деле вредит твоим лицевым мышцам. У тебя морщинки появятся.

– А может, я и убийцу заодно поймаю, – ответила она и направилась к паре обугленных тел.

Поскольку пользы от моего присутствия явно больше не было, по крайней мере для моей сестры, я вернулся на место преступления, где дел хватало. Я закончил работу со своим набором для крови, взял небольшие пробы ссохшейся черной корки, запекшейся вокруг двух шей, и подался в лабораторию, располагая пропастью времени для позднего ланча.

Однако, увы, бедняге Неустрашимому Декстеру, очевидно, намалевали на спине мишень, потому как беды мои только-только начались. Я как раз прибирал свой стол и готовился влиться в веселый убийственный поток движения в часы

пик, как в кабинет вприпрыжку влетел Винс Масука и с порога сообщил:

– Я только что говорил с Мэнни. Он может встретиться с нами завтра утром в десять.

– Весть чудесная. Единственное, что могло бы сделать ее еще прекраснее, так это понимание, кто такой Мэнни и почему ему нужно повидаться с нами.

Винс изобразил легкую обиду – одно из немногих искренних выражений, какие я когда-либо видел на его физиономии.

– Мэнни Борке, – пояснил он, – организатор банкетов.

– Тот, что с MTV?

– Ну да, верно! Парень, который завоевал все премии и о котором писали в журнале «Гурмэ».

– Ах да... – произнес я, притормаживая на время в надежде, что какая-нибудь блистательная идея поможет мне увильнуть от жуткой участи. – Премированный организатор.

– Декстер, этот парень – чума. Он тебе всю свадьбу устроит.

– Послушай, Винс, по-моему, это потрясно, только...

– Нет, это ты послушай, – произнес он таким твердым командным тоном, какого я отродясь за ним не замечал. – Ты сказал, что обсудишь это с Ритой и позволишь ей решать.

– Я говорил это?

– Да, говорил. И я не допущу, чтобы ты пустил по ветру такую чудесную возможность, тем более что, насколько я

знаю, Рита будет в восторге.

У меня не было точного понимания, откуда Винс набрался такой уверенности. В конце концов, ведь именно я обручен с этой женщиной, но у меня нет ни малейшего понятия, какой организатор банкетов способен ввести ее в шок и трепет. Однако я не счел подходящим время для выяснения, откуда Винсу известно, что Рита встретит с обожанием, а что нет. Опять-таки, мужик, разодетый, как Кармен Миранда на Хэллоуин, вполне мог обойти меня в тонкости и проницательности по части самых сокровенных кулинарных желаний моей невесты.

– Ладно, – произнес я, решив наконец, что затяжки и проволочки лучше всего помогут избежать ответа, – тогда я пойду домой и обсужу это с Ритой.

– Сделай так, – напутствовал Винс.

Он не бросился из моей клетушки сломя голову, однако, будь в ней дверь, грохнул бы ею со всей силы.

Я закончил с уборкой и влился в вечерний поток машин. По пути к дому за мной пристроился средних лет мужчина во внедорожнике «тойота» и принялся почему-то давить на клаксон. Через пять-шесть кварталов он обошел меня и, обгоняя, подрезал, слегка повернув руль, чтобы я со страху на обочину выкатился. Мне, положим, его душевный порыв по сердцу пришелся, я бы с радостью доставил ему удовольствие, но все же остался на проезжей части. Нет никакого смысла вникать во все что и как, которыми руководствуют-

ся майамские водители, переезжая с места на место. Надо лишь расслабиться и радоваться буйству силы... И конечно, по этой части у меня никаких проблем не было. Так что я, улыбнувшись, махнул рукой, и он, вжав педаль газа в пол, скрылся в потоке, миль на шестьдесят в час превышая ограничение скорости.

Обычно хаотичный беспредел вечерней поездки домой становился для меня идеальным завершением дня. Окунаясь во всю эту ярость и жажду убивать, я ощущал некое единение с родным городом и его призрачными обитателями. Сегодня, однако, мне оказалось трудно вообще наскрести хоть чуть-чуть хорошего настроения. Никогда даже на миг я не представлял, что такое может случиться, и вот... волновался.

Хуже того, не понимал, что на самом деле меня волнует, только ли то, что Темный Пассажир затеял со мной игру в молчанку на месте изобретательного убийства. Такого не бывало никогда, и утешаться можно было лишь верой, что сейчас это вызвано чем-то необычным и, возможно, угрожающим Декстеру. Но чем именно? И откуда мне набраться уверенности, если, правду сказать, о самом Пассажире я ни бельмеса не знал, кроме того, что он всегда рядом, с радостью комментировал и давал пояснения. Мы и раньше видели сожженные тела, да и керамики хватало, без всякого дерганья и писка. Может, дело в сочетании? Или есть нечто особенное в этих двух телах? Или это всего лишь совпадение,

случайность, не имеющая никакого отношения к тому, что мы увидели?

Чем больше я раздумывал над этим, тем меньше понимал, зато машины на дороге выписывали вокруг меня успокаивающие убийственные узоры, и к тому времени, когда показался дом Риты, я почти убедил себя, что по-настоящему волноваться не о чем.

Когда я пришел, Рита, Коди и Астор были уже дома. Рита работала гораздо ближе к дому, чем я, а дети после школы занимались в каком-то кружке в близлежащем парке, так что они уже по крайней мере полчаса дожидались возможности помучить меня, выводя из тяжело доставшегося покоя в мыслях.

– В новостях про это показывали, – шепнула мне Астор, едва я открыл дверь, а Коди кивнул и тихим хрипловатым голосом произнес:

– Гадость.

– Что в новостях показывали? – спросил я, стараясь прорваться мимо них в дом, не затоптав их.

– Ты их *сэжес*! – прошипела Астор, а Коди посмотрел на меня с полным отсутствием выражения на лице, что как-то извещало о неодобрении.

– Я – что? Кого это я...

– Тех двоих, кого в колледже нашли, – сообщила Астор и решительно добавила: – Такому мы учиться не хотим.

И Коди опять кивнул.

– В... в университете, вы хотите сказать? Я не...

– Университет – это колледж, – заявила Астор с подчеркнутой уверенностью десятилетнего ребенка. – И мы считаем, что сжигать людей – это гадость.

До меня стало доходить, что они увидели в новостях: репортаж с места, где я все утро собирал ссохшиеся и опаленные образцы крови с двух обгоревших тел. Увидели и додумали, просто зная, как недавно ночью я собирался на игрище, что именно такую игру я и затеял. Даже и без странного отступничества Темного Пассажира я был согласен: то была полная гадость, – и, оказалось, меня сильно кольнуло, что дети решили, будто я способен на нечто подобное.

– Послушайте, – грозно начал я, – ничего такого...

– Декстер? Это ты? – разразилась тирольской руладой Рита с кухни.

– Не уверен, – отозвался я. – Погоди, бумажник проверю.

Рита влетела вся сияющая, и не успел я принять защитную стойку, как она обернулась вокруг меня, явно намереваясь задушить в объятиях.

– Привет, красавчик! Как день прошел?

– Гадко, – буркнула Астор.

– Совершенно чудесно, – произнес я, стараясь отдышаться. – Сегодня полно трупов на каждого. Да еще и ватные палочки пришлось в ход пустить.

Рита поморщилась:

– Фу-у! Это... не знаю, следует ли тебе говорить так при

детях. А если они дурные сны увидят?

Будь я совершенно честным человеком, то рассказал бы Рите, что ее дети куда скорее доведут кого угодно до дурных снов, чем сами их увидят, однако, раз уж никакой нужды говорить правду у меня не было, я просто погладил ее и сказал.

– Они в мультиках каждый день слышат кое-что похуже. Ведь правда, детки?

– Нет, – тихо произнес Коди, и я удивленно глянул на него.

Он редко говорил что-нибудь, и оттого, что он не просто заговорил, а фактически противоречил мне, я забеспокоился. Выходило, что весь день пошел дико наперекосяк: сначала паникерский нырок Темного Пассажира, затем тирада Винса об организаторе банкета, а теперь... вот это. Что, во имя всего темного и ужасного, происходит? У меня что, аура вышла из равновесия? Или луны Юпитера выстроились против меня в Стрельце?

– Коди, – начал я, надеясь, что в моем голосе будет слышна обида, – тебе же не приснится такое в дурном сне, а?

– Он не видит дурных снов, – сообщила Астор, как будто всем, за исключением безнадежно умственно отсталых, это должно быть известно. – Он вообще никаких снов не видит.

– Приятно узнать. – Я и сам почти никогда не видел снов, и мне почему-то казалось существенным иметь как можно больше общего с Коди.

Но Рита смотрела по-другому:

– Астор, детка, не говори глупостей! Конечно Коди видит

сны. Все видят сны.

– Я нет, – подтвердил Коди.

Теперь уже он не только противостоял нам обоим, но и одновременно практически бил собственный рекорд разговорчивости. Хотя у меня и нет сердца, за исключением циркуляционных назначений, мальчик вызывал во мне восхищение, хотелось встать на его сторону.

– Тебе во благо, – сказал я. – Так держать! Сны очень переоценивают. Они мешают ночью хорошенько выспаться.

– Декстер, уймись! – встряла Рита. – Не думаю, что нам следует поощрять это.

– Разумеется, следует! – возразил я, подмигивая Коди. – Он же выказывает пыл, мужество и воображение.

– Я – нет, – заявил Коди, и я был совершенно заморожен его словоизвержением.

– Конечно нет, – обратился я к нему, понижая голос. – Только мы не должны говорить такого вашей маме, а не то она разволнуется.

– Да полно вам, бога ради! – воскликнула Рита. – Сил у меня на вас двоих нет. Дети, марш из дому играть!

– Мы хотим играть с Декстером, – надулась Астор.

– Несколько минут – и я с вами, – пообещал я.

– Уж поторопись, – мрачно отозвалась она.

Дети скрылись в коридоре, ведущем к задней двери, и после их ухода я вздохнул с облегчением, радуясь, что на время злобные и необоснованные нападки на меня прекраще-

ны. Конечно, мне следовало соображать получше.

– Иди-ка сюда, – произнесла Рита и за руку подвела меня к дивану. – Винс недавно звонил, – сообщила она, усаживаясь среди подушек.

– Да ну? – бросил я, и внезапно меня охватило острое ощущение опасности, когда подумал, что он мог Рите наболтать. – И что сказал?

Рита покачала головой:

– Говорил очень таинственно. Просил поставить его в известность сразу, как только мы обсудим это. А когда спросила, что обсудим, он не ответил. Сказал только, что ты сам расскажешь.

Мне едва удалось удержаться от немислимого промаха в разговоре и вновь не произнести: «Да ну?» В свою защиту скажу, что в тот момент я бешено прокручивал идею, как бы сбежать в какое-нибудь безопасное место, но до этого нанести визит Винсу, прихватив с собой сумку со своими игрушками. Однако, прежде чем я успел мысленно отобрать нужное лезвие, Рита продолжила:

– Честно, Декстер, тебе очень повезло с таким другом, как Винс. Он и вправду серьезно относится к своим обязанностям шафера, и у него потрясающий вкус.

– Потрясающе дорогостоящий к тому же, – заметил я, все еще не придя в себя от оплошности, что едва не повторил «Да ну?», зато понял, что у меня изо рта вылетело нечто гораздо хуже, так как Рита тут же засияла, словно рождествен-

ская елка.

– В самом деле? Что ж, полагаю, ему это свойственно. Я хочу сказать, что и то и другое чаще всего взаимосвязано. Ведь и вправду обычно получаешь то, за что платишь.

– Да, вопрос только в том, сколько приходится платить.

– Сколько – за что? – спросила Рита, и вот оно: я влетел в тупик.

– Видишь ли, Винса посетила безумная мысль, что мы должны нанять этого организатора из Саут-Бич, весьма дорогостоящего, который устраивает праздники для знаменитостей и всякое такое.

Рита хлопком сомкнула ладони под подбородком, вся залучилась радостью и вскрикнула:

– Неужели Мэнни Борке?! Винс знаком с Мэнни Борке?

Конечно же, тут оно все и закончилось, только Неустрашимый Декстер без боя не сдастся, как бы слаб ни был.

– Я уже говорил, что он очень дорогой? – спросил я с надеждой.

– О, Декстер, в таком случае нельзя беспокоиться о деньгах.

– Мне можно. Я беспокоюсь.

– Не тогда же, когда есть шанс заполучить Мэнни Борке! – поразилась она, и в ее голосе звучала поразительно сильная нотка, какой я прежде не слыхивал, разве когда она сердилась на Коди с Астор.

– Да, только, Рита, – еще не уступал я, – нет смысла тра-

тить прорву денег на одного только организатора банкетов.

– Смысл тут ни при чем, – ответила она, и, признаюсь, тут я с ней согласился. – Если за организацию нашей свадьбы может взяться Мэнни Борке, то для нас безумием было бы не воспользоваться этим.

– Но... – начал было я и прикусил язык.

Помимо того, что верх идиотизма – платить королевский куш за крекеры с эндивием, вручную раскрашенные ревеневым соком и вылепленные под зад Дженифер Лопес, в голову ничего не приходило. А разве, хочу сказать, этого недостаточно?

Очевидно, нет.

– Декстер, сколько раз нам выпадает сочетаться браком?

К великой чести для себя, я все еще был вполне начеку, чтобы подавить позыв ответить: «По меньшей мере дважды, в твоём случае», – что было, по-моему, весьма мудро.

Быстро сменив курс, я применил тактику, которую постиг, так много лет притворяясь человеком.

– Рита, сущность свадебного обряда в том, что я надеваю кольцо на твой палец. Мне все равно, что мы будем есть после этого.

– Это так мило! – произнесла она. – Значит, ты не возражаешь, если мы найдем Мэнни Борке?

И вновь я обнаружил, что утратил все доводы, еще даже не поняв, на чьей я стороне. Почувствовал сухость во рту, порожденную, без сомнения, тем, что у меня отпала челюсть,

пока мозг силился привнести смысл в только что произошедшее, а потом подыскать что-нибудь умное, способное вернуть все на спасительную землю.

Увы, опоздал – и намного.

– Я позвоню Винсу. – Рита подалась ко мне и чмокнула в щеку. – Ой, как же это восхитительно! Спасибо тебе, Декстер!

В конце концов, разве брак – это не торжество компромисса?

Глава 7

Вполне естественно, Мэнни Борке жил в Саут-Бич. На последнем этаже одного из новых высотных зданий, что растут вокруг Майами, как грибы после сильного дождя. Жилье обосновалось на земле, бывшей некогда диким пляжем, куда в свое время Гарри привозил нас с Дебс по субботам с утра пораньше на прочесывание. Мы находили старые спасательные средства, таинственные обломки какой-то несчастной лодки, буи с ловушками для омаров, куски рыбацких сетей, а в одно потрясное утро мы наткнулись на исключительно мертвое человеческое тело, перекатывавшееся в прибое. То была сокровищница мальчишеской памяти, и я крайне жалел, что кто-то построил на этом месте сверкающую хлипкую башню.

На следующее утро в десять мы с Винсом вместе ушли с работы и поехали к этому жуткому новому зданию, занявшему место моей ребячьей радости. До самого верха я ехал в лифте молча, наблюдая за тем, как ерзает и моргает Винс. С чего бы ему нервничать из-за встречи с человеком, который зарабатывает на жизнь тем, что устраивает скульптуры из рубленой печенки, я не знаю, однако он явно нервничал. Капелька пота скатилась у него по щеке, и он судорожно сглотнул – дважды.

– Винс, он же организатор. Он не страшен. Он не в силах

даже твой библиотечный абонемент отменить.

Винс глянул на меня, опять дернул кадыком и ответил:

– У него крутой нрав. Он может быть очень требовательным.

– Ладно, – сказал я очень и очень ободряюще, – давай тогда найдем другого, поразумнее.

Винс стиснул челюсть так, словно стоял перед расстрельным взводом, и покачал головой.

– Нет! – храбро заявил он. – Мы пройдем через это. – Как по сигналу, двери лифта раскрылись; Винс расправил плечи, кивнул и скомандовал: – Идем!

Мы дошли до конца коридора, и Винс остановился перед последней дверью. Глубоко вдохнул, поднял кулак и, немного поколебавшись, постучал в дверь. После долгой паузы, когда ничего не произошло, он посмотрел на меня, моргнул, по-прежнему держа руку поднятой, и сказал:

– Может быть...

Дверь открылась.

– Приветик, Вик! – щебетнуло стоявшее в двери существо, и Винс в ответ стал краснеть и заикаться.

– Я так... только... привет. – Потом он перенес вес тела с одной ноги на другую, пробормотал нечто вроде: – Э-э... ну... а-а, – и отступил на полшага.

Представление было замечательное, впечатление производило, и я был, похоже, не единственным, кому оно доставляло удовольствие. Человек, открывший дверь, смотрел

на Винса с улыбкой, что позволяло предположить: ему, возможно, нравится наблюдать за любым человеческим страданием. Он дал Винсу покорчиться несколько долгих секунд, прежде чем наконец произнес:

– Давай же, *входи!*

Мэнни Борке, если только это он, а не какая-то странная голограмма из «Звездных Войн», стоял во весь рост пять футов шесть дюймов от серебристых расшитых сапожек на высоком каблуке до оранжевой макушки. Волосы были стрижены коротко, если не считать черной челки, расхидившейся на лбу, как ласточкин хвост, и ниспадавшей на громадные очки, усыпанные стразами. Его ярко-красная дашики до пят, очевидно надетая на голое тело, заколыхалась вокруг него, когда он отступил от двери и жестом предложил нам войти, а потом быстрыми маленькими шажками направился к громадному панорамному окну с видом на море.

– Проходите, поболтаем немного, – пригласил Мэнни, огибая пьедестал с огромным предметом, похожим на гигантский комок блевотины какого-то животного, который окунули в пластик и расписали красками для граффити в стиле «Дэй-гло».

Он провел нас к стеклянному столику у окна, вокруг которого располагались четыре штуковины, вероятно призванные играть роль стульев, но легко могли сойти и за бронзовые верблюжьи седла, приваренные к ходулям.

– Садитесь, – пригласил хозяин, широко поведя рукой, и

я сел на седло-стул, стоявший ближе всех к окну; Винс, малость поколебавшись, сел со мной рядом, и Мэнни вспрыгнул на сиденье аккуратно напротив него и произнес: – Итак, Вик, как дела у тебя? Кофе не желаете? – и, не дожидаясь ответа, он дернул головой влево и позвал: – Эдуардо! – У сидевшего рядом со мной Винса перехватило дыхание, и не успел он хоть как-то отреагировать, как Мэнни волчком крутанулся ко мне. – А вы, должно быть, тот самый краснеющий жених!

– Декстер Морган, – представился я в ответ. – Только покраснеть у меня не очень-то выходит.

– А-а-а, ерунда! По-моему, у Вика за вас обоих получается, – заметил Мэнни.

И действительно, Винс услужливо покраснел настолько, насколько ему позволял цвет его лица. Я был не в меру раздражен участием в этом испытании, а потому решил не приходить коллеге на помощь, сделав Мэнни злокозненное замечание, а то и вовсе поправить его, указав, что Вика на самом деле зовут Винсом. Я был уверен, что Мэнни прекрасно знает настоящее имя и просто измывается над Винсом. И меня это вполне устраивало: пусть Винс корчится, он заслужил такое, обратившись через мою голову к Рите и втянув меня во все это.

Появился суетливый Эдуардо, балансируя прозрачным пластиковым подносом с винтажным, расписанным яркими красками кофейным сервизом «Фиеставаре». Это был плот-

ный молодой человек раза в два больше Мэнни, и он, похоже, изо всех сил старался угодить маленькому троллю. Эдуардо поставил желтую чашку перед Мэнни и подошел было к Винсу, чтобы дать ему голубую, но тут Мэнни остановил его, постучав пальчиком по руке.

– Эдуардо... – зашуршал шелковистый голосок, и тот враз оледенел. – Желтая? Разве мы не помним? Мэнни пьет из голубой чашки.

Эдуардо разве что обратное сальто не сделал, сдавая назад, и едва не уронил поднос, спеша заменить оскорбительную желтую чашку на подобающую голубую.

– Благодарю, Эдуардо, – проронил Мэнни, и Эдуардо замер на миг, явно желая убедиться, на самом деле Мэнни благодарит или он еще чего натворил; Мэнни же просто похлопал его по руке со словами: – Обслужи теперь наших гостей, пожалуйста.

И Эдуардо, кивнув, двинулся вокруг стола.

Так вышло, что желтая чашка досталась мне, что меня вполне устроило, хотя и мелькнула мысль, а не значит ли это, что я тут не ко двору пришелся. Разлив кофе, Эдуардо метнулся на кухню и вернулся с небольшой тарелочкой, на которой лежало полдюжины пастелитос. Они, положим, были выпечены не в форме задницы Дженифер Лопес, хотя вполне могли бы ею быть. По виду они напоминали маленьких начиненных кремом дикобразов – темно-коричневые комочки, ошестинившиеся иглами то ли шоколадными, то ли позаим-

ствованными у морского анемона. В центре лежали шарики чего-то оранжевого типа заварного крема, и на каждом сверху была зеленая, голубая или коричневая капля.

Эдуардо поставил тарелочку в центре стола, и все мы какое-то время просто взирали на пастелитос. Мэнни, похоже, восхищался ими, Винс явно впал в экстаз, близкий к религиозному, пока раз за разом дергал кадыком, и издал звук, похожий на удушливый вздох. Что до меня, то я слабо соображал, это предназначено угощение для еды или его используют для извращенного, кровавого ацтекского ритуала, а потому сидел себе и тарелку разглядывал в надежде на подсказку.

Наконец ее предложил Винс, брякнув:

– Мой бог!

Мэнни кивнул:

– Чудесные, правда? Увы, т-а-а-к-и-и-е прошлогодние. – Он взял одну пастелитос, ту, что с голубой каплей, и стал разглядывать с какой-то отстраненной нежностью. – Цветовая палитра и вправду устарела, а этот жуткий старый отель рядом с Индиан-Крик принялся копировать их. И все же... – произнес он, поведя плечами, и бросил лакомство в рот. Я порадовался, увидев, что это, похоже, не вызвало обильного кровотечения. – Человеку свойственно все больше влюбляться в собственные придумки. – Обернувшись, Мэнни подмигнул Эдуардо. – Возможно, порой слегка чересчур. – Эдуардо побледнел и полетел на кухню, а Мэнни вновь обратился к нам с крокодильей улыбкой во весь рот: – Впрочем,

попробуйте сами, не желаете?

– Я боюсь ее кусать, – признался Винс. – Они до того *совершенны*.

– А я боюсь, что они в ответ кусаться станут, – сказал я. Мэнни выставил напоказ несколько дюжин зубов.

– Если бы я сумел научить их такому, то никогда не был бы одинок. – Он подвинул тарелочку в мою сторону. – Смелее!

– Собираетесь подавать их на моей свадьбе? – спросил я, полагая, что должен же кто-то отыскать во всем этом хоть какой-нибудь смысл.

Винс ткнул – и чувствительно – меня локтем в бок, но явно запоздал. Мэнни прищурился, так что глаза превратились в узкие щелочки, правда все его достижения по зубной части по-прежнему торчали напоказ.

– Я не подаю, – процедил Мэнни. – Я *презентую*. И *презентую* я все, что *мне* кажется лучшим.

– Не поделитесь со мной заранее, что это могло бы быть? – спросил я. – А что, если у невесты аллергия на приправленный васаби студень с рукколой?

Мэнни сжал кулаки так сильно, что косточки хрустнули. Меня едва не пробил дрожь надежды при мысли, что я, возможно, искусно избавился от организатора банкетов. Мэнни, однако, расслабился, усмехнулся и произнес:

– Мне нравится твой приятель, Вик. Он очень смелый.

Винс одарил нас обоих улыбкой и вновь задышал, а Мэнни принялся возиться с блокнотом и бумажками... что за-

кончилось моим согласием на то, чтобы великий Мэнни Борке взялся за организацию моей свадьбы по особой, сниженной цене – по 250 долларов с прибора.

Выглядит малость дороговато. Только, в конце концов, я же получил особые указания о деньгах не беспокоиться. И был уверен, что Рита отыщет способ, чтобы все получилось, скажем, пригласит всего двух-трех человек. В любом случае у меня оказалось не так много времени, чтобы волноваться из-за финансов, поскольку почти сразу же мой мобильник завел свою погребальную мелодию, и я, ответив, услышал голос Деборы.

– Ты срочно нужен мне здесь! – отчеканила она, никак не реагируя на мое радостное приветствие.

– Я жутко занят с одними очень важными канаве, – сообщил я ей. – Кстати, ты не одолжишь мне тысяч двадцать?

Послышался странный горловой звук, а затем Дебс произнесла:

– Декстер, у меня нет времени на твою хренотень. Двадцатичетырехчасовая начнется через двадцать минут, и мне нужно, чтобы ты был здесь.

В убойном отделе существовал обычай собирать всех, занятых в деле, через двадцать четыре часа после начала расследования с целью убедиться, что все организовано и каждый действовал заодно со всеми. Дебс, очевидно, чувствовала, что у меня есть какая-то хитрая версия, которую стоило обсудить. Очень проникательно, что и говорить, толь-

ко не соответствует действительности. Темный Пассажир по-прежнему никак не проявлялся, а без него, как я понимал, вряд ли вскоре прольется великий свет озарения.

– Дебс, у меня и в самом деле нет никаких мыслей по этому делу.

– Просто явись сюда, – отрезала она и дала отбой.

Глава 8

Шоссе 836 было забито машинами на полмили сразу после места, где в него вливалось 395-е от Майами-Бич. Дюйм за дюймом мы тащились по нему, пока не увидели причину пробки: целый грузовик арбузов вывалил груз прямо на шоссе. Дорогу перегородила красно-зеленая липкая масса толщиной шесть дюймов, в которой застряли в разной мере исковерканные машины. По обочине проехала «скорая», а за ней вереница легковушек, которыми правили люди слишком важные, чтобы ждать в транспортных пробках. Гудки неслись отовсюду, люди орали, трясли кулаками, а где-то впереди я слышал одинокий выстрел. Как приятно снова вернуться к нормальной жизни!

Пока пробивались сквозь поток машин на просторы улиц, мы потеряли пятнадцать минут и еще пятнадцать, чтобы добраться до работы. На второй этаж в лифте мы с Винсом ехали молча, когда же двери раскрылись и мы вышли, он оставил меня:

– Ты правильно делаешь.

– Да, согласен, – отозвался я. – Только если я не буду делать это быстро-быстро, Дебора меня убьет.

Он схватил меня за руку:

– Я имел в виду с Мэнни. Ты в восторг придешь от того, что он сотворит. Это и в самом деле надолго запомнится.

Я знал, что это и в самом деле надолго запомнится моему банковскому счету, но дальше этого все еще не видел смысла. Неужели люди лучше проведут время, если им станут подавать неизвестно что из неизвестно чего вместо обычной нарезки? Я много не понимаю в человеческих существах, но это уже и впрямь ни в какие ворота не лезет... если предположить, что подобные изыски способны открыть ворота к сладкой жизни, в чем лично я не был уверен.

Впрочем, одно мне было вполне ясно: как Дебора относится к пунктуальности. Ей передалось это от отца, и его завет гласил: опоздание есть неуважение, оно не терпит никаких оправданий. Так что я стряхнул с запястья хватку Винса и пожал ему руку:

– Уверен, свадебная еда нам всем очень понравится.

– Есть в этом нечто большее, чем еда, – ответил он, не отпуская моей руки.

– Винс...

– Ты даешь обещание на всю оставшуюся жизнь, – не унился он. – На самом деле *потрясающее* обещание, что ваша с Ритой совместная жизнь...

– Моя жизнь в опасности, Винс, если я сейчас же не уйду.

– И меня это по-настоящему радует.

У меня не хватило нервов видеть на его лице выражение, очевидно, подлинного чувства легкой паники, с какой я полетел от него по коридору к конференц-залу.

В помещении было полно народу. После истерических

сюжетов накануне в вечерних новостях о найденных двух женщинах, обгоревших и обезглавленных, дело приобретало что-то вроде высокой значимости. Дебора зыркнула на меня, когда я скользнул в дверь и встал в сторонке, а я одарил ее, как сам надеялся, обезоруживающей улыбкой. Она прервала говорившего, одного из патрульных, кто первым оказался на месте происшествия.

– Ладно, – произнесла она. – Ясно, что голов на месте мы не найдем.

Я уже думал, что мое опоздание и злобный взгляд Деборы на меня достойны награды за Самое Эффектное Появление, и оказался, однако, полностью не прав. Поскольку, когда Дебора попробовала продолжить совещание, меня отодвинули на второй план, как свечу при взрыве зажигательной бомбы.

– Давайте, ребята, шевелитесь! – призвала сержант Сестренка. – Выдвигайте идеи.

– Можно озеро протралить, – высказалась Камилла Фидж, тридцатипятилетняя криминалистка.

Обычно она помалкивала, довольно удивительно, что вдруг решилась заговорить. Очевидно, кому-то это понравилось бы, а иначе с чего бы худой энергичный коп по фамилии Корриган сразу же накинулся на нее.

– Херня! – бросил Корриган. – Головы плавают.

– Они не плавают, они сплошная кость, – возразила Камилла.

– Есть которые плавают, – стоял на своем Корриган, вы-

звав легкие смешки.

Дебора нахмурилась и уже готова была навести порядок властным словцом-другим, когда ее остановил какой-то шум в коридоре.

ТОП.

И не громко вроде, а приковало всеобщее внимание собравшихся.

ТОП.

Ближе, чуть громче, вроде как целый мир надвигался на нас, как в каком-нибудь дешевом фильме ужасов...

ТОП.

Отчего, объяснить даже не надеюсь, но каждый в зале затаил дыхание и повернулся к двери. Пусть только чтобы не отстать от других, я стал поворачиваться, чтобы выглянуть в коридор, и разом замер, ощутив едва уловимое щекотание, намек на подергивание. Я закрыл глаза и стал вслушиваться. «Привет?» – мысленно произнес я, и после очень короткой паузы последовал очень приглушенный, слегка неуверенный звук, едва ли не откашливание мысленного горла, а потом...

Кто-то в конференц-зале с таким почтительным ужасом бормотнул: «Господи Иисусе святой!» – какой всегда гарантирует взлет моей заинтересованности, а слабенький не-со-всем-и-звук внутри мурлыкнул чуток и стих. Я раскрыл глаза.

Могу только сказать, что я был так счастлив почувствовать, как Темный Пассажир шевелится на заднем сиденье,

что на мгновение отключился от всего вокруг себя. Это всегда опасный промах, особенно для таких ненастоящих людей, как я. Когда же я пришел в себя, то поразительное впечатление, которое я испытал, еще раз убедило меня в этом.

То и впрямь был дешевый ужастик, типа «Ночь живых мертвецов», только вовсе не в кино, а во плоти: в дверях стоял и пялился на меня человек, который на самом деле должен был умереть.

Сержант Доакс.

Я никогда не нравился Доаксу. Похоже, во всем полицейском управлении он был единственным, кто подозревал, кем я на самом деле являюсь. Я всегда чувствовал, что он способен видеть сквозь мою маскировку, поскольку в какой-то мере сам был тем же холодным убийцей. Он давно пытался – и безуспешно – доказать, что я повинен почти во всем, и эти попытки сочувствия к нему не вызывали.

Когда я видел Доакса в последний раз, санитары грузили его в машину «скорой». Он был без сознания, частично от шока и боли, вызванной удалением у него языка, ног и рук одним очень талантливым хирургом-любителем, считавшим, что Доакс поступил с ним плохо. Теперь уже известно, что это я тонко разжигал во враче-совместителе такое представление, только у меня, по крайней мере, хватило приличия уговорить Доакса сначала действовать по плану, с тем чтобы схватить бесчеловечного изверга. И к тому же я почти спас Доакса, во многом рискуя собственной драгоценной

жизнью и конечностями. Спасая, я не проявил той лихости и быстроты реакции, на какие, уверен, рассчитывал Доакс, однако я старался, и воистину не было моей вины в том, что он был скорее мертв, чем жив, когда «скорая» увозила его.

Так что я не считал, что запрашиваю чересчур много небольшим признанием огромной опасности, какой подвергался из-за него. Мне нужны не цветы, и не орден, и даже не коробка шоколада, а наверное, что-то вроде сердечного хлопка по спине и урчащего: «Благодарю, дружище!» Конечно, без языка урчать ему членораздельно было бы трудно, а его хлопок по спине новой металлической рукой способен и боль причинить, только мог же он хотя бы попытаться. Что в этом неразумного?

Очевидно, что-то было. Доакс впери́л в меня взгляд, будто был самым голодным псом на свете, а я самым последним куском мяса. Я вспомнил, как он, было время, поглядывал на меня с таким ядом, что его хватило бы на весь перечень исчезающих видов. Но то был вежливый смешок взъерошенного дитяти в солнечный день в сравнении с тем, как он смотрел на меня сейчас. И я понял, что побудило Темного Пассажира прочистить горло: то был запах знакомого хищника. Я ощущал, как медленный взмах внутренних крыльев, возврат к полной ревушей жизни взматается в глазах Доакса до вызова. А в глубине темных глаз его собственный монстр рычал и плевал в моего. Так мы простояли довольно долго: внешне просто пялимся друг на друга, зато внутренне две хищные

тени, визжа, бросали вызов одна другой.

Кто-то что-то говорил, однако весь мир сузился до нас с Доаксом да двух черных теней внутри нас, взывающих к битве, и ни он, ни я не слышали ни слова, один лишь раздражающий гул на заднем плане.

Наконец сквозь туман прорезался голос Деборы.

– Сержант Доакс! – произнесла она с некоторым нажимом.

Доакс в конце концов повернулся к ней, и чары рухнули. И, чуя некоторое самодовольство силы – радость и блаженство! – Пассажира, а также мелкую победу, когда Доакс отвернулся первым, я, стараясь слиться с обоями, сделал шаг назад, чтобы оценить то, что осталось от моего некогда могучего врага.

Сержант Доакс все еще был рекордсменом управления по отжиманию лежа, однако по его виду не скажешь, что в ближайшем будущем он будет готов отстаивать свой рекорд. Доакс выглядел изможденным и казался почти слабаком, если бы не тлеющий в глубине глаз огонь. Он крепко стоял на двух негнущихся протезах, руки свисали прямо по бокам, а из запястья торчали блестящие серебряные приспособления, похожие на замысловатые клещи или тиски.

В конференц-зале стало так тихо, что я слышал дыхание собравшихся. Все попросту тарацились на то, что некогда было Доаксом, а он тарацился на Дебору, которая облизывала губы, очевидно пытаясь подыскать подходящие случаю

слова, и в конце концов выдала:

– Садитесь, Доакс... Гм... Мне ввести вас в курс дела?

Доакс долго неотрывно смотрел на нее. Потом сделал неловкий поворот кругом, обжег меня взглядом и гулко топтал из помещения; его необычная, размеренная поступь эхом отдавалась по всему коридору, пока шаги не стихли.

Вообще-то, полицейские не любят показывать, будто поражены или напуганы, так что несколько секунд прошло, прежде чем кто-либо рискнул, вновь задышав, выказать нежелательное чувство. Вполне естественно, то была Дебора, которая наконец прервала неестественное молчание.

– Ладно, – повторила она, – итак, голов мы на месте не найдем.

– Головы не плавают, – презрительно настаивала Камилла Фидж.

И мы вернулись к исходной точке, где находились до внезапного появления сержанта Доакса. И совещающиеся гудели еще минут десять, без усталости борясь с преступностью в спорах о том, кому вести писанину, когда нас снова грубо прервали и дверь рядом со мной снова распахнулась.

– Извините, что перебиваю, – произнес капитан Мэттьюс. – У меня кое-какие... э-э-э... поистине, по-моему, замечательные новости. – Он обвел хмурым взглядом помещение; даже я сказал бы ему, что не годится с таким лицом возвещать замечательные новости. – Тут... уф... кхм... Вернулся сержант Доакс, и он... мм... Вам всем важно осознать,

что он сильно... уф... пострадал. Ему оставалась всего пара лет до пенсии по полной выслуге, так что юристы... э-э-э... мы полагаем, в таких обстоятельствах... мм... – Он замолчал и вновь обвел взглядом собравшихся. – Вам уже кто-нибудь рассказал об этом?

– Сержант Доакс только что был тут, – доложила Дебора.

– А-а-а... – выдохнул Мэттьюс. – Что ж, тогда... – Он повел плечами. – Прекрасно. Тогда порядок. Тогда разрешаю продолжить совещание. Есть о чем доложить?

– Пока по-настоящему ничуть не продвинулись, капитан, – доложила Дебора.

– Так... Уверен, вы управитесь с этим до того, как пресса... своевременно, я хочу сказать.

– Так точно, сэр! – отчеканила Дебора.

– Тогда порядок, – повторил капитан, быстро окинул взглядом помещение, расправил плечи и вышел.

– Головы не плавают, – сказал кто-то, и по комнате прошел фыркаяющий смешок.

– Господи! – воскликнула Дебора. – Нельзя ли на деле сосредоточиться? Будьте любезны. У нас тут два трупа.

«И это не предел», – подумал я, и Темный Пассажир слегка дрогнул, словно старался весьма отважно не дать деру, но и только, а я больше о том не думал.

Глава 9

Я не вижу снов, то есть, наверное, в какой-то момент моего нормального сна в подсознании мелькают некие видения и фрагменты всякой ерунды. В конце концов, меня уверяют, такое случается с каждым. Только, похоже, я никогда не помню снов, если они и впрямь мне снились, чего, как меня уверяют, вообще ни с кем не бывает. Так что исхожу из того, что я не вижу снов.

Теперь вы поймете, что я испытал нечто вроде шока, когда обнаружил, что глубокой ночью, нежась в объятиях Риты, выкрикивал то, что сам едва слышал, улавливая лишь эхо собственного сдавленного голоса, долетавшее до меня из ватной тьмы. Я почувствовал прохладную руку Риты на своем лбу, услышал ее щебечущий голос:

– Все хорошо, милый, я тебя не покину.

– Большое спасибо, – проквокал я, откашлялся и сел в постели.

– Тебе дурной сон приснился, – сказала Рита.

– Да ну? Что за сон? – Я все еще не помнил ничего, кроме своего крика и наполнявшего меня смутного ощущения опасности. И еще: я совершенно одинок.

– Не знаю. Ты кричал: «Вернись! Не оставляй меня одного». – Рита слегка откашлялась. – Декстер... я понимаю, тебя напрягает наша свадьба...

– Ничуть, – тут же возразил я.

– Только хочу, чтобы ты знал. Я ни за что никогда не покину тебя. – Она вновь дотянулась до моей руки. – Это у меня навсегда, крепыш. Ты моя опора. – Быстро обернувшись, Рита положила голову мне на плечо. – Не тревожься, Декстер, я ни за что не покину тебя.

Положим, во снах я не поднаторел, но все же был вполне уверен, что мое подсознание не очень терзалось мыслью, что Рита меня бросит. То есть мне и в голову не приходило, что она это сделает, а это, если вникнуть, вовсе не было знаком доверия с моей стороны. Я просто о том не думал. По правде говоря, я понятия не имел, отчего ее потянуло ко мне, так что любое гипотетическое расставание было бы столь же загадочным.

Нет, все дело в моем подсознании. Если оно кричало от боли при угрозе оказаться оставленным, я в точности знал, что именно оно страшится потерять: Темного Пассажира. Друг закадычный, мой постоянный спутник на пути по невзгодам и острым удовольствиям жизни. Вот что за страх таился во сне: потерять то, что настолько успело войти в меня, что, по сути, определило, каким мне быть, на всю оставшуюся жизнь.

Когда он затаился на месте преступления в университете, это, ясное дело, здорово потрясло меня, сильнее, чем я тогда понимал. Неожиданное и весьма жуткое появление шестидесяти пяти процентов сержанта Доакса породило ощущение

опасности, остальное было плевым делом. Мое подсознание взбрыкнуло и породило подходящий по теме сон. Яснее не бывает: психоз номер 101, пример из учебника, беспокоиться не о чем.

Тогда почему я беспокоюсь?

Потому что раньше не было случая, чтобы мой Пассажир хотя бы вздрогнул. И я все еще не понимаю, отчего именно сейчас его разобрало. Может, Рита права, говоря о стрессе приближавшейся свадьбы? Или и в самом деле было что-то в двух обезглавленных трупах у университетского озера, что перепугало Темного Пассажира, и он сбежал?

Я не знаю... а поскольку мысли Риты о том, чтобы успокоить меня, обрели более деятельную направленность, то складывалось впечатление, что выясню я не скоро.

– Иди сюда, маленький, – шепнула Рита.

И в конце концов, есть ли место на королевской постели, куда бежать, а?

На следующее утро Дебора просто помешалась на поиске пропавших голов от двух тел в университете. Слушок как-то протек в прессу, будто управление намерено отыскать пару черепов, сбежавших невесть куда. Это ж Майами, и, клянусь, я бы подумал, что пропавшая голова вызовет у журналистов меньше пыла, чем автомобильная пробка на магистрали I-95, однако имелись нюансы: голов было две, принадлежали они, очевидно, молодым женщинам, – и это вы-

звало приличный ажиотаж. Капитан Мэттьюс знал цену упоминания имени в газетах и новостях, но даже он был не рад тону угрюмой истерии, которая сопровождала эту историю.

Прессинг на всех нас шел сверху: от капитана к Деборе, а та, не тратя времени попусту, поровну свалила ее на остальных. Винс Масука убедил себя, что доставит Деборе ключ ко всей заварухе, выяснив, на какой из религиозных сект лежит ответственность. С этим он в то утро просунул голову в дверь моей каморки и, не предупреждая ни о чем, сказал твердо и отчетливо:

– Кандомблэ.

– Стыдись! – одернул я его. – Сейчас не время для такого рода выражений.

– Ха! – произнес он, издав свой жутко наигранный смешок. – Зато это оно, я уверен. Кандомбле – это то же, что сантерия, но из Бразилии.

– Винс, у меня нет причин не верить тебе. Один только вопрос: о чем ты, черт побери, толкуешь?!

Он в два шага прыгнул в каморку, будто его тело стремилось взлететь, а у него не хватало сил его сдерживать.

– В некоторых своих ритуалах они используют головы животных. Это в Интернете есть.

– Да ладно, – отозвался я. – А есть в Интернете, что эти бразильские язычники устраивают человеческое барбекю, отрезают жертвам головы и заменяют их бычьими головами из керамики?

Винс малость сник.

– Нет, – признался он и тут же с надеждой вздернул брови. – Но животных-то они используют.

– Как используют, Винс?

– Ну... – изрек он и принялся обшаривать взглядом мой кабинетик, возможно, в поисках другой темы для разговора. – Иногда они, знаешь, предлагают часть богам, а потом сами съедают остальное.

– Винс, не хочешь ли ты сказать, что кто-то съел пропавшие головы?

– Нет, – угрюмо произнес он, почти как Коди с Астор. – Но могли и съесть.

– То-то бы похрустеть пришлось, а?

– Ну ладно, – сказал Винс совсем уже мрачно. – Просто помочь стараюсь. – И он сердито удалился, совсем забыв про наигранную улыбочку.

Впрочем, то было лишь началом хаоса. Как свидетельствовал мой непрошенный заезд в страну снов, прессинга мне хватало и без добавочного напряжения неистовой сестрицы. Так нет же, и нескольких минут не прошло, как мой маленький оазис покоя был разнесен в клочья. На сей раз в мою камеру с ревом ворвалась Дебора, словно за ней гнались пчелы-убийцы.

– Пошли! – рыкнула она.

– Куда пошли? – задал я вполне, по-моему, разумный вопрос, однако, можно было подумать, будто я попросил ее по-

брить голову и выкрасить череп в синий цвет.

– Хватит трепаться! Ноги в руки – и пошел! – скомандовала она, так что я последовал за ней на парковку к ее машине.

– Богом клянусь, – кипятилась Дебора, пробивая себе путь среди машин, – никогда не видела Мэттьюса таким взбешенным! А теперь оказывается, что это еще и моя вина! – При этом она, чтобы подчеркнуть значение своих слов, нажала на клаксон и подрезала фургон с надписью: «ПОМОЩЬ ПОЖИЛЫМ ЛЮДЯМ ПАЛМВЬЮ». – И все из-за того, что какие-то засранцы слили головы журналистам.

– Знаешь, Дебс, уверен, что головы найдутся, – сказал я, стараясь не только утешить ее, но и взывая к разуму.

– Ты чертовски прав, сыщутся! – произнесла она, едва не зацепив толстяка на велосипеде, к седлу которого были приторочены громадные мешки, набитые металлоломом. – Ведь я непременно выясню, что за верование у этого сукина сына, а потом и прищучу гада.

Я примолк, наполовину успокоенный. Моя дорогая сумасшедшая сестрица, очевидно, как и Винс, придерживается мысли, что розыск подходящего нетрадиционного религиозного верования приведет к поимке убийцы.

– А-а, ладно, – говорю я. – И где же мы будем искать?

Дебора вырулила на бульвар Бискейн, а потом, так и не отведив, остановилась у бордюра и вышла из машины. Вот так, безропотно следуя за ней, я и оказался в Центре внутреннего совершенствования, занимавшемся распространением всех

тех удивительно полезных вещей, которые содержат в своем названии слова «травяной», «холистический» или «аура».

Центр располагался в небольшом обшарпанном строении в той части бульвара Бискейн, которая, очевидно, по договору отводилась под резервацию проституток и наркоторговцев. На витринах по фасаду были огромные решетки, еще больше – на запертой входной двери. Дебора грохнула по ней, и вскоре дверь противно загудела. Дебс налегла, и дверь наконец, кляцнув, распахнулась.

Мы вошли. Меня поглотило удушливое облако тошнотворно сладкого ладана, и я готов признать, что мое внутреннее совершенствование началось с полного ремонта моих легких. Сквозь дым на одной стене мне смутно виделся большой баннер из желтого шелка с надписью: «МЫ ВСЕ ОДНО». Что именно одно, не уточнялось. Тихо играла музыка; судя по звукам, кто-то, похоже, отбивался от передозировки наркотиками тем, что время от времени позванивал в набор маленьких колокольчиков. Где-то поодаль журчал водопад, и, уверен, мой дух воспарил бы, если бы таковой у меня имелся. А поскольку у меня его не было, то обстановка малость раздражала.

Только мы сюда явились не ради удовольствия и даже не ради внутреннего совершенствования. Сержант Сестренка, разумеется, всегда думала только о деле. Она направилась к стойке, за которой стояла средних лет женщина в длинном, выкрашенном в технике тай-дай платье, сшитом, казалось,

из старой гофрированной бумаги. Ее седеющие волосы торчали в разные стороны, создавая художественный беспорядок, лицо женщины хмурилось. Конечно, то вполне могло быть блаженной хмуростью просвещения.

– Чем могу вам помочь? – спросила она, и ее скрипучий голос как бы давал понять, что помощи нам ждать не стоит.

Дебора предъявила полицейский жетон. Она не успела и слова сказать, как женщина подалась вперед и выхватила жетон из руки Деборы.

– Все в порядке, сержант Морган, – произнесла женщина, швыряя жетон на стойку. – Похоже, штука настоящая.

– Разве вы не могли просто определить это по ее ауре? – поинтересовался я.

Ни одна из них не пожелала оценить эту удачную, на мой взгляд, шутку, так что я пожал плечами и стал слушать, как Дебора ведет свой изнурительный допрос.

– Хотелось бы задать вам несколько вопросов, если не возражаете, – сказала Дебора, наклоняясь, чтобы забрать жетон.

– О чем? – требовательно спросила женщина.

Она еще суровее насупилась, и Дебора сдвинула брови в ответ. Стало казаться, будто мы на старом добром деревенском состязании «Кто кого перехмурит», где победителю достается бесплатная инъекция ботокса, придающая лицу выражение непреходящей леденящей хмури.

– Произошли убийства, – сказала Дебора.

Женщина, пожав плечами, ответила вопросом:

– Какое отношение это имеет ко мне?

Я поаплодировал ее логике, но в конце концов мне приходилось время от времени играть за свою команду.

– Дело в том, что мы все одно, – пояснил я. – Такова основа всей полицейской работы.

Женщина резко обратила свою хмурь на меня и весьма агрессивно заморгала, потом потребовала:

– А вы, к черту, кто такой?! Предъявите-ка свой жетон!

– Я ее резерв. На случай, если она подвергнется нападению плохой кармы.

Женщина фыркнула, но, по крайней мере, не застрелила меня.

– Копы в этом городе *купаются* в плохой карме, – заверила она. – Я была на митинге Зоны свободной торговли стран Америки и знаю, что вы за люди.

– Может, мы и такие, – подала голос Дебора, – но те, по другую сторону, еще хуже, так что не могли бы вы просто ответить на несколько вопросов?

Все еще хмурясь, женщина обернулась к Деборе и дернула плечом:

– О'кей. Однако не вижу, чем могу помочь. И вызову своего адвоката, если зайдете не туда.

– Прекрасно, – кивнула Дебора. – Мы ищем подход к кому-либо, кто мог быть связан с местной нетрадиционной религиозной группой, почитающей быков.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.